

ДЖЕННИФЕР РОУ

ЗАГАДОЧНЫЕ
УБИЙСТВА

чай, кофе
и убийства

Чай, кофе и убийства

Дженнифер Роу

Загадочные убийства

«АСТ»

1992

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

Роу Д.

Загадочные убийства / Д. Роу — «АСТ», 1992 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-102216-7

Самое опасное дело Верити Бердвуд! А как невинно все начиналось – с приезда в шикарный спа-отель, принадлежащий роскошной светской львице Марго Белл и ее партнеру, знаменитому стилисту Алистеру Свонсону. Однако внезапно что-то случилось, и маленький женский рай превратился в филиал ада... В отеле, полностью отрезанном от мира вышедшей из берегов рекой, стали происходить загадочные убийства, весьма напоминающие «почерк» недавно вышедшей из психиатрической клиники серийной убийцы Лорел Мун. Верити понимает: смертельно опасная психопатка – среди постояльцев отеля. Но как ее обнаружить и обезвредить? Ведь подозрительно ведут себя абсолютно все дамы, и каждой, похоже, есть что скрывать...

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-102216-7

© Роу Д., 1992

© АСТ, 1992

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дженнифер Роу

Загадочные убийства

Jennifer Rowe

THE MAKEOVER MURDERS

Печатается с разрешения автора при содействии литературного агентства Author Rights Agency.

© Jennifer Rowe, 1992

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дженнифер Роу – мастер австралийского детектива, известная читателям по роману «Печальный урожай», автор необычайно популярных циклов о приключениях эксцентричного детектива-любителя Верити Бердвуд (книги этой серии легли в основу одноименного телесериала 1988 года) и полицейского детектива Тессы Вэнс.

Глава 1

Марго Белл посмотрела в зеркало, и увиденное ей понравилось. Она, как правило, любовалась собой именно в это время дня, когда удлинившиеся тени, мягкий, золотистый свет и приближающаяся ночь сглаживали крохотные морщинки под глазами, придавали краски побледневшим щекам и наполняли ее энергией.

Утро – совсем другое дело. Именно поэтому Марго предпочитала, чтобы гости (разумеется, она никогда не называла их клиентками или заказчицами) прибывали в Дипден к концу дня. Она знала, что в этом случае они увидят ее и дом с самой выгодной стороны – искусственное освещение сделает небольшие несовершенства незаметными, а блеск станет ослепительным.

А это важно. Дело не только в тщеславии. Это бизнес. Женщины платят не одну тысячу ради того, чтобы на две недели отдаться в руки Марго Белл, но за свои деньги ожидают настоящего чуда. О чудесах Дипдена уже стало широко известно, и повторяющийся узор из бабочек, так искусно нанесенный на плотную кремовую бумагу Марго, так изящно изображенный на медной табличке, что висит на больших въездных железных воротах, являл собой обещание, которому невозможно противиться, – обещание для немногих избранных, в тревоге или решительно ступавших на порог, где их огромным, безмолвным, нежным коконом окутывала атмосфера дома.

Марго улыбнулась своему отражению. Бабочка была одной из лучших идей Алистера. Гости ее обожают. Жаль, что он, бедняжка, до сих пор воспринимает ее буквально, тщетно суетясь над безнадежным, бесперспективным материалом в твердой решимости обнаружить внутреннюю красоту, которую он, как утверждает, видит в каждой женщине, попавшейся ему на пути, и научить, как сохранить эту красоту навсегда. Этот его индивидуальный подход не приносит прибыли. Марго объясняла ему это не раз, но все повторялось снова и снова. Они запросто могли бы вдвое сократить пребывание каждой группы – недели вполне достаточно, – а цену можно оставить прежнюю. Каждая гостья пока видит заметные изменения в своей внешности (разумеется, определенное улучшение, которое легко достигается хорошей стрижкой, толковым макияжем и приличной одеждой), пока имеет возможность тут, в Дипдене, как следует отдохнуть и почувствовать, что ее балуют, будет считать, что деньги потрачены ею не зря, и уедет счастливой. А эффект продлится несколько месяцев – в любом случае достаточно долго.

Некоторые финансовые трудности и пять лет работы не поколебали Алистера ни на йоту. Он как был, так и остался романтиком. Алистер хорош в роли стилиста, предан как друг, но деловой партнер из него никакой. А если смотреть фактам в лицо, то и упрямства в нем хватает.

Марго чуть нахмурилась и провела ладонью по блестящим каштановым волосам. И все-таки Алистер талантлив – что есть, то есть. Она бы в жизни не позволила никому другому прикоснуться к своим волосам. Алистер ухаживает за ними уже целую вечность, еще со времен ее работы моделью. А с некоторыми гостями – нужно отдать ему должное – он и вовсе творит чудеса. Но дальше так продолжаться не может: Алистер обязан понять...

Телефон возле кровати негромко зазвонил. Марго кинула последний взгляд на свое отражение, пересекла комнату и взяла трубку. На том конце кто-то задержал дыхание, и она улыбнулась. Уильям.

– Марго, я должен с тобой поговорить.

– Все гости уже прибыли, милый? – холодно спросила Марго. Теперь лучше держать Уильяма на коротком поводке.

– Да, они здесь. Я имею в виду, настоящих. Женщины из Эй-би-си¹ еще нет, но я хотел... – Голос его дрогнул, и он замолчал.

Она слышала, как он пытается совладать с собой.

– Да, милый?

Марго намеренно говорила официальным тоном. Бедный мальчик страдает, но, право же, приходится проявлять жесткость ради его же блага. Одно дело – легкая интрижка, но, он зашел слишком далеко. Ей и в голову не приходило, что он воспримет все настолько серьезно. Бедный Уильям. Бедный сладкий малыш Уильям.

Марго, прищурившись, посмотрела в окно, отметив, что поднимается туман и бледные стволы тополей мерцают в угасающем свете дня. Это место прекрасно. Мирное и очаровательное. О, все будет хорошо. Марго об этом позаботится.

– Поразвлекай их немного, хорошо? Скажи Алистеру, пусть пока не упоминает о даме из Эй-би-си. Это нужно сообщить деликатно. Я скоро спущусь.

В трубке воцарилось молчание.

– Уильям, ты здесь? – спросила она резко.

– О... да.

– Ну так сделаешь это, милый?

– Да, но... Марго, мне нужно с тобой поговорить. Наедине. Очень нужно...

Взгляд Марго, оторвавшись от тополей, скользнул по телефону на прикроватной тумбочке.

– Слушай, Уильям, будь хорошим мальчиком: перестань меня донимать.

– Пожалуйста, Марго, это важно! Я...

Марго покачала головой и отвела трубку от уха. Взгляд снова вернулся к пейзажу за окном. Небо выглядело угрожающе хмурым. О господи, неужели опять дождь! Им уже хватило дождей на весь сезон вперед. Трава смотрелась прекрасно: невероятно зеленая и пышная, – но земля под ней пропиталась водой насквозь. К тому же река поднялась так высоко, что еще чуть-чуть – и начнется наводнение, а это станет последней каплей. Что может быть хуже, чем оказаться запертой в доме с Уильямом, когда он в таком настроении. А если придется отменить приезд гостей на следующие две недели, это и вовсе катастрофа. Они уже никогда не оправятся.

Марго снова поднесла трубку к уху и резко заговорила, оборвав заунывное бормотание Уильяма:

– Давай-ка прекращай это. Довольно. Мне жаль, что тебя это так расстроило, но ты уже большой мальчик, милый, и пора признать, что я не шучу. Как в песне, помнишь? Мы неплохо повеселились, но все кончено. Такое случается в жизни. А теперь давай займемся делом и сосредоточимся на гостях. Иди развлекай их, а я спущусь через несколько минут.

Она решительно положила трубку, не дожидаясь очередного словесного потока. О боже, боже! Эта интрижка с Уильямом и в самом деле оказалась ошибкой. Алистер был прав, когда говорил, что ни к чему хорошему это не приведет. У геев великолепная интуиция, они очень восприимчивы. Но Уильям такой лапочка: буквально боготворил ее, обожал и был так с ней нежен! А уж какой красавчик! Но если уж смотреть правде в лицо, – страшный зануда. Возможно, поэтому из него и получился такой хороший секретарь, но... Новизна через некоторое время приедается, и тогда начинаешь искать в любовнике хоть что-то привлекательное, помимо внешности. В общем, скоро он стал очень утомительным. А закончить эту интрижку оказалось гораздо сложнее, чем начать. Конечно, очень жаль, если придется с ним расстаться: Уильям лучший секретарь из всех, что у нее были.

Марго в последний раз взглянула на свое отражение, пожала плечами, улыбнулась и вышла из комнаты. Миновав дверь Алистера (он, разумеется, давно внизу), она стала спус-

¹ «Острэлиан бродкастинг корпорейшн» – Австралийская радиовещательная корпорация. – *Здесь и далее примеч. ред.*

катся по лестнице, что вела из их просторных апартаментов в мансарде на этаж с гостевыми спальнями.

Именно здесь становилось очевидным величие старого дома. Пять гостевых номеров выходили на галерею с балюстрадой из кедра, откуда открывался вид на холл с мраморным полом. В центре холла с высокого потолка свисала огромная сверкающая люстра, теплый, рассеянный свет которой заливал каждый уголок и освещал мягкий ковер пастельных тонов. Марго на мгновение остановилась на верхней площадке лестницы, чтобы освободить свое сознание от всего, кроме главного – предстоящего дела. Снизу доносились звуки музыки и звон хрусталя. Время выбрано точно: очень важно именно в первый вечер правильно преподнести себя. Марго самодовольно оглядела себя в восхитительно скроенном платье из тонкой шерсти. Да, она не напрасно выбрала белое. Серое, конечно, элегантнее, но, чтобы блистать в сером, нужно чувствовать себя превосходно, чего не скажешь о ней сейчас: болтовня Уильяма ее порядком утомила.

Из открытых дверей гостиной слышались приглушенные голоса, изредка чьи-то нервные смешки. Гости собрались и ждут, как и, надо полагать, приглашенный персонал. Алистер, Уильям, косметолог Анжела и... Конрад. Марго привычно провела рукой по телу, от груди до бедер: характерный для нее жест перед любым выступлением – сочетание ласки, ободрения и продуманной подготовки. Должно быть, так крестится воин перед началом битвы.

Марго спустилась по лестнице на первый этаж и с легкой заученной улыбкой направилась к гостиной, цокая высокими каблуками по мрамору.

Когда она была совсем юной девушкой и стремилась утвердиться в качестве модели, владелица агентства, где работала Марго, циничная ушлая Мэйми Спирс дала ей дельный совет: «Для эффектного выхода нужно всего лишь сказать себе: «Я красива, я успешна, у меня есть тайна!» И тогда ты всех сделаешь».

Марго это здорово зацепило, и хотя, конечно, она сменила агентство Мэйми на более престижное сразу же, как только ее карьера пошла в гору, но этот совет не забыла. С тех пор многое произошло, жизнь у Марго наладилась, но она всегда помнила о трех условиях успеха, и они давали ей уверенность в себе.

Марго с загадочной улыбкой остановилась на пороге гостиной, проникаясь атмосферой тепла и уюта: всюду цветы, огонь в камине. Лица четырех новых гостей Дипдена выжидательно повернулись к ней, и ей доставила удовлетворение тишина, вызванная ее появлением. Где-то на заднем плане маячил Уильям с маской мрачного трагизма на лице. Марго лишь мельком на него взглянула и помахала Анжеле, как всегда улыбающейся, с неизменным стаканом яблочного сока в руке. Анжела Феллоуз, великолепная реклама собственной профессии, не позволяла себе и грамма алкоголя: он портит цвет лица. Анжела провела с ними всего две недели, но уже было очевидно, что это отличный выбор: девушка милая, общительная, здравомыслящая, надежная. Марго небрежно перевела взгляд дальше, чтобы обладатель развалившейся в кресле у камина фигуры не заметил ее заинтересованности.

Конрада Хантера ни под каким видом нельзя было назвать ни милым, ни общительным. Опять же «здравомыслящий» и «надежный» не те определения, что первыми придут на ум при попытке его описать. Его загорелая кожа прекрасно гармонировала со светло-каштановыми волосами, спадавшими на плечи. В белой рубашке с небрежно закатанными рукавами, расстегнутой чуть больше допустимого, в белых, чуть плотнее, чем следует, облегающих брюках, с белыми (опять же слишком) зубами, с золотой сережкой-гвоздиком в левом ухе, высокий, худой, с голубыми, всегда полуприкрытыми глазами, Конрад напоминал такого ленивого, пресыщенного плейбоя. Голос его был тягуч, а на его лице не бывало других выражений, кроме угрюмости и задумчивости, если речь не шла о женщинах любого возраста – от четырнадцати до шестидесяти лет, тогда это лицо озаряла хищная улыбка.

Марго наняла Конрада в качестве нового массажиста Дипдена, невзирая на дружное негодование Алистера и Уильяма, которые до сих пор, спустя месяц совместной работы, по-прежнему относились к нему с тем же отвращением, что и при знакомстве. Что ж, пусть мальчишки дуются, думала сейчас Марго, кинув короткий взгляд на длинные сильные пальцы Конрада, сомкнувшиеся на бокале с шампанским. Он превосходный массажист, она может засвидетельствовать это лично, и, если две последние группы могут служить хоть каким-то показателем, он станет гвоздем программы в Дипдене. Безупречно безвкусный, восхитительно декадентский, приятный глазу – гости в его руках становились податливыми во многих смыслах этого слова, как и она сама... Да что уж там: следует признать, что в противоположность мрачному, сладкому до приторности, надоедливому Уильяму Конрад оказался крепким орешком.

– А, Марго. – К ней быстро подошел Алистер, изящный, белокурый, грациозный, и протянул бокал с шампанским. – Наконец-то! Все с нетерпением ждут встречи с тобой. А сейчас... позволь представить тебя гостям. Эдвина, это Марго Белл.

Марго протянула узкую руку, и ее крепко пожали. Она плохо запоминала имена и обычно мысленно наделяла гостей прозвищами, чтобы не путать, но Эдвине прозвище не требовалось: ее она и так не забудет. Марго улыбнулась и что-то любезно пробормотала, с интересом разглядывая материал: массивное лицо, коротко подстриженные густые волосы серо-стального цвета, плохо выщипанные брови, густо наложенный макияж и кричаще-красная помада, приземистая фигура, неудачно обтянутая плотно облегающим шерстяным костюмом тускло-красного цвета, серая блузка с замысловатым бантом у шеи. Плюсами можно считать молочно-белую кожу практически без морщин, если судить по шее, превосходные зубы, умные, хотя и довольно холодные, серые глаза, уверенные манеры и довольно приятную, заученную улыбку. Могло быть и хуже. Одежда хоть и уродливая, но определенно дорогая. Изящные итальянские черные туфли на шпильках лишь подчеркивают тяжесть втиснутых в них ног. Эдвина подойдет: пусть не станет их величайшим успехом, но и провалом не будет. И хотя для сохранения конфиденциальности гости в Дипдене называли себя только по именам, Марго и Алистер, к счастью, знали, что во внешнем мире Эдвина Двайер была персоной достаточно влиятельной и разочаровывать ее не стоило.

– Надеюсь, пребывание здесь принесет вам не только пользу, но и удовольствие, Эдвина, – с улыбкой произнесла Марго. – Кажется, за обедом мы сидим рядом, так что сможем обо всем поболтать.

– Как это мило, – буркнула гостья.

– А сейчас я должна покинуть вас, чтобы выполнять свои обязанности!

Эдвина едва заметно усмехнулась, и это слегка обеспокоило Марго: похоже, клиентка непростая.

– Знакомься, это Белинда. – Алистер едва не искрился, положив по-дружески ладонь на рукав (в мелкий цветочек), представляя ей невысокую смуглую женщину, которую по-дружески поддерживал под локоть.

Она нервно хихикнула, и Марго с трудом подавила вздох. Значит, это Белинда, младшая сестричка дорогой Роберты, закомплексованная низкорослая толстушка. Да, такая точно никуда не годится, как и намекала по телефону Роберта. Марго еще тогда хотелось сказать, что, к сожалению, все места уже проданы и что как бы она ни хотела помочь старой приятельнице-модели, это невозможно, но тут как раз от одного места отказались. Они с Робертой когда-то были добрыми приятельницами, до того как та вышла замуж за свинью Джулиуса, а Роберта умчалась в Швейцарию с очередным, как предполагалось, графом, а оказалось – с каким-то торговцем.

Марго вздохнула. Ах, добрые старые времена! Никакой ответственности, нескончаемая энергия, все эти импозантные мужчины у твоих ног... подарки, цветы, разные пикантные истории... Это было так весело!

Однако малышка Белинда разительно отличается от уверенной в себе Роберты: слишком суетится, как провинциалка, слегка шепелявит, вырядилась в платье в цветочек – рюши и плиссировка! – лоб обеспокоенно наморщен, губы растянуты в нервной, недопустимо широкой улыбке. Роберта сказала, что ее бросил муж, – похоже на то. Брошенных жен видно невооруженным глазом – им присущ тот же размытый, дезориентированный взгляд, который отличает приютских детей, брошенных за ненадобностью. Это очень жалкое зрелище. Но, по мнению Марго, большинство из них виноваты в своем унижительном положении сами. Роберта думает точно так же.

Марго бы никогда никому не позволила так с ней обращаться. Обручального кольца у Белинды нет, и документы у нее с девичьей фамилией. Это, конечно, дело рук Роберты: попытка добавить сестре хоть чуть-чуть достоинства, заставить забыть о мерзавце, – но Белинда из тех клуш, что обречены на неудачу. Никто не в силах помочь тому, кто сам себе помогать не желает. Бессмысленно даже пытаться.

Марго высвободилась из маленьких цепких рук Белинды, рассеянно улыбнулась ей и пошла дальше, заметив краем глаза, что Алистер, на минутку задержавшись, произнес какие-то ободряющие слова и похлопал толстушку по руке. О, до чего же это предсказуемо! Теперь он сделает эту Белинду своим домашним любимцем и все чертовы две недели будет из кожи вон лезть, чтобы доказать, какая она красotka. Честное слово, Алистер просто невозможен. Вечно выбирает самую убогую из группы. Почему некоторые так глупы?

Послышался отдаленный рокот грома, и внезапно Марго почувствовала сильнейшее раздражение: на погоду, на Алистера, на Уильяма, на толстуху Белинду, на Роберту, на все на свете.

– Я Джози. Рада познакомиться. – Крупная рыжеватая бесформенная женщина протянула ей пухлую, усыпанную веснушками руку и просияла, продемонстрировав ряд ослепительно белых – наверняка с искусственным покрытием – зубов. – Мне нравится ваш дом. – Она шмыгнула носом и принялась рыться в сумочке.

– Спасибо, – любезно пробормотала Марго и мысленно закатила глаза, увидев, как гостья вытащила громадный носовой платок, воняющий эвкалиптовым маслом, и громко высморкалась.

Наверняка ее могли бы избавить от таких вот Джози хотя бы на эту неделю. И без них достаточно хлопот: Эдвина Двайер, требующая особый уход; дама из Эй-би-си. Тетки вроде Джози, крупные, аморфные, – самый отвратительный материал для создания нового образа. Никаких четких очертаний с головы до ног. Бледные водянистые глаза, короткие ресницы, нос картошкой, непримечательный рот. А чего стоят эти тонкие, как у ребенка, непослушные рыжие волосы! И почему-то такие клиентки всегда громкие и жизнерадостные. Ходит такая вот туша по имени Джози в своем лаймово-зеленом брючном костюме, и довольна. А для полного счастья еще и простуда. Нос красный и распухший. Абсолютно безнадежна! С Алистером и в самом деле необходимо поговорить. В конце концов именно он принимает заявления. Он видел фотографии. Марго неоднократно пыталась втолковать ему, что раз столько женщин чуть ли не штурмом берут Дипден, то безнадежные неудачницы им совершенно ни к чему. Это плохо влияет на имидж ее салона. Ну честное слово, одни проблемы! Иногда кажется, что во всем этом нет никакого смысла!

Марго подняла глаза и поверх широкого плеча Джози кинула еще один взгляд на Конрада – тот небрежно облокотился на каминную полку, засунув большой палец за пояс узких белых брюк. К счастью, есть хоть какая-то компенсация.

– Марго? – Алистер подхватил ее под локоть и решительно подвел к следующей гостье. – Знакомься, это Хелен.

Раздражение Марго чуть поутихло, сменившись интересом, и она приветливо улыбнулась:

- Добро пожаловать в Дипден!
- Спасибо, – ответила Хелен.

Голос ее прозвучал приглушенно, лицо тоже практически ничего не выражало. Она не сделала даже попытки протянуть руку. Марго с Алистером переглянулись. Очень странная, но какой материал: высокая, тонкокостная, едва ли не изможденная, волосы мышиного цвета сосульками свисают по обе стороны лица. А уж одета... в бесформенный горчичный костюм-двойку, словно хотела подчеркнуть серый цвет лица. Плечи поникшие, большие руки неловко болтаются вдоль тела. Марго мгновенно увидела все это, но взгляд ее приковали великолепные скулы и очертания лица, крупный рот, четкие брови, большие, блестящие, глубоко посаженные глаза. Ее профессиональные инстинкты сразу же встрепнулись. Марго удовлетворенно кивнула. Алистер легонько подтолкнул ее, и заметила, что остальные гости, глупые создания, бросают в сторону Хелен улыбки, полные завуалированной зависти. Должно быть, слишком явно показала свой интерес. Следует быть осторожнее, чтобы никого не обидеть на этой, ранней стадии.

– Здесь мы кое-что можем сделать, – едва слышно сказала Марго Алистеру, когда они отошли от гостей и направились к камину в противоположном конце гостиной.

Марго всегда произносила приветственную речь и представляла персонал с того места. Так получалось эффектнее. Она заметила, что Конрад все еще опирается на каминную полку, но теперь к нему присоединилась Анжела, и они оживленно о чем-то болтают. Анжела по-прежнему сжимает стакан с соком в своей сильной загорелой руке с короткими розовыми ногтями. Конрад же поверх ее плеча смотрел прямо в глаза Марго. Она ощутила легкий трепет возбуждения и с трудом подавила желание облизнуть губы.

– Мы можем сделать кое-что с каждой из них, Марго, – с упреком прошептал Алистер. Старый спор.

– О, кое-что – да. – Она одарила очаровательной улыбкой Анжелу, та кивнула и весело помахала в ответ. Марго холодно взглянула на Конрада, и он поднял палец в небрежном приветствии. А вот Уильяма не было видно ни рядом с ней, ни с гостями. Должно быть, вышел. Что-то на него не похоже – порядок для Уильяма святое.

– Готова, Марго? – прикоснулся к ее плечу Алистер.

– Минутку! Дай перевести дух, ладно? – резче, чем хотелось бы, отозвалась Марго. – Они пока все равно болтают. Через минутку-другую успокоятся, и начнем. Да и Уильяма пока нет, верно?

– Они общались с Уильямом и всеми нами добрые полчаса, пока дожидались тебя, так что вряд ли это имеет значение.

Алистер отвернулся. О боже, теперь он надуется, подумала Марго. Что ж, паршиво, ну да ладно!

К ней подошла Анжела и неуверенно пробормотала:

– Я пообещала Уильяму, что передам вам: ему необходимо с вами поговорить еще до обеда. – Всмотревшись в спокойное лицо Марго, помялась и добавила: – Мне кажется, это важно. Он очень чем-то обеспокоен.

Вскинув брови, Марго улыбнулась.

– Беспокойство – вторая натура Уильяма. Ты и сама поймешь это, когда проработаешь тут чуть дольше. Но все равно спасибо. И не волнуйся. Я обязательно с ним поговорю, после того как устрою гостей.

Анжела расслабилась и, глотнув сока, прошептала:

– Неплохая группа, мисс Белл. У Эдвины чудесная кожа. Та невысокая смуглая леди – Белинда, верно?.. Да, бедняжке ужасно не повезло с мужем: она мне рассказала...

– Да, только, пожалуйста, не здесь и не сейчас! – Марго вздернула подбородок и улыбнулась: коротко, но предостерегающе, так что идеальный цвет лица Анжелы внезапно сменился на ярко-розовый.

– Ой, извините! – прошептала она растерянно и окинула виноватым взглядом гостей: не услышал ли ее кто-нибудь случайно.

Конрад насмешливо вскинул бровь и лениво протянул:

– Белинда поведала об этом всем, кто был готов выслушать. Такие особы выплескивают свои проблемы на любого встречного. Какая гадость! Неудивительно, что ее бросил муж.

– Конрад, ты ужасен! – прошептала Анжела, вцепившись в его рукав, и бросила на Марго восхищенно-шокированный взгляд.

Но Марго лишь улыбнулась и сделала глоток шампанского, с удовольствием ощущая, как рядом кипит от негодования Алистер. До чего же он ненавидит вульгарность!

Конрад оттолкнулся от камина и, лениво потянувшись, заметил:

– У той высокой, Хелен, есть все, что нужно. Однако очень странная леди.

Анжелу аж передернуло.

– Да уж... Это еще мягко сказано. Я попыталась с ней поговорить: ну, проявить дружелюбие, – но она мне что-то буркнула в ответ и так посмотрела... У меня от нее мурашки бегут.

Губы Конрада изогнулись в усмешке, но сказать он ничего не успел: словно тень в дверь проскользнул Уильям, пересек комнату и присоединился к ним. Марго удивленно вскинула брови. Он пробормотал извинения, и Алистер отрывисто бросил:

– Хорошо. Теперь мы все здесь, так что можно начинать. Марго, допивай шампанское – и вперед. Пора уже и пообедать.

Марго кивнула, передала ему бокал и с улыбкой повернулась к собравшимся. Уже с первых фраз своей привычной приветственной речи она почувствовала, что-то не так. Когда Марго переступила порог гостиной, атмосфера показалась ей теплой и приветливой, как обычно, но сейчас по рукам почему-то ползли мурашки. Собственный голос ей показался каким-то фальшивым и ломким на фоне ненавязчивой музыки и зловещих раскатов грома, которые становились все громче. Лица, обращенные к ней, выглядели странными, будто свет пожелтел, а тени сделались глубже, превратив их в маски. Вот настороженная сообразительность Эдвины; вымученная живость толстушки Белинды; самодовольная ординарность красноносой жизнерадостной Джози; суровая красота Хелен. Рядом с ней стоят Анжела, Конрад, Уильям и Алистер, очевидно, тоже открыли свои истинные лица, как и она сама. Марго тряхнула головой, словно хотела избавиться от наваждения. Да что это с ней такое? И почему все это так ее нервирует?

Потому что маски не разоблачают, а напротив, скрывают.

За окном тополя сгибались под усилившимися порывами ветра, гремел гром, полыхала молния, и, наконец, тучи разразились ливнем.

Глава 2

Верити Бердвуд еле ползла на своем выдавшем виды автомобиле по раскисшей от проливного дождя дороге и молилась, чтобы не случилось никаких инцидентов. Баллончик для омытия, так выручивший ее в прошлый раз, был почти пуст, а она не имела ни малейшего желания застрять здесь, в этой чертовой глуши, среди луж, больше похожих на моря, и сгибавшихся до земли от ветра деревьев. Последний отрезок дороги до реки и автомобильного парома уже был испытанием – попробуй преодолеть на этой развалюхе ту еле заметную в кустах, крутую, узкую, извилистую тропку, да еще в такой дождь. Но на другом берегу быстро прибывавшей реки дорога оказалась еще хуже. Даже воздух был здесь другим, словно цивилизация осталась на том, дальнем берегу вместе с магазинами, телефонными будками и подпрыгивавшими на воде лодками, что выстроились в ровный ряд у причала.

Возможно, кто-то и нашел бы эту ситуацию романтической, только не Берди. Согнувшись над рулем, она упрямо подпевала участникам вечернего воскресного концерта, вглядываясь сквозь толстые стекла очков в небольшой участок блестящей мокрой дороги, что выхватывали ее фары, и в ней зарождалась паника. С точки зрения Берди, место, где нет возможности найти круглосуточно открытую кофейню в пяти минутах ходьбы, вызывает лишь уныние.

Музыка не помогала. Выключив радио, она посмотрела на часы на приборной доске: 20:45... Проклятие, так она и на ужин опоздает! Берди умирала с голоду, а из рассказов про этот Дипден ей было известно, что кухня превосходная.

– Две недели в Дипдене! – узнав о цели командировки Берди, простонала Кейт, ее подруга. – Две недели абсолютной роскоши, вокруг божественные пейзажи, да за это тебе еще и заплатят! Боже мой, и ты еще жалуешься! И тебе, наверное, еще и бесплатно поменяют имидж? Берди, как тебе повезло! Я бы многое отдала, лишь бы...

Тут, будто споткнувшись, Кейт замолчала, а потом захохотала, увидев отвращение на лице подруги – бледном, с мелкими чертами, маленькими глазками под большими очками.

– О, Берди! – отсмеявшись, продолжила Кейт. – Не сопротивляйся! Похоже, ты просто не читала материалы по Дипдену. Ты вообще понимаешь, что такой шанс: наконец-то выйти бабочкой из куколки и обрести настоящую красоту – выпадает не каждой? Да ты должна сиять от счастья!

– Кейт, я отправляюсь на эту абсурдную фабрику красоты работать. Мне предстоит накропать историю, чтобы потом из нее можно было сделать телепередачу. Кому-то показалось это интересным. Что касается меня самой, то зимняя равнина, да еще под угрозой затопления, не соответствует моему представлению о божественных пейзажах. Я тоже немало бы отдала, лишь бы не оказаться там. И, к твоему сведению, я не считаю себя гусеницей в коконе, что бы там Марго Белл себе ни думала.

Берди убежденно кивнула в такт своим мыслям. Она высказала все это Кейт. Как и то, что она уже ненавидит грядущие две недели. Она терпеть не могла, когда ее обхаживают и опекают, относятся к ней покровительственно. Она будет чувствовать себя как выброшенная на берег рыба, испытывать отвращение и раздражение, потому что эта среда ей чужда.

Машина медленно тащилась сквозь дождь, и так же неспешно текли мысли Берди. С горечью она думала, что ей будет чертовски скучно, как бы ни сложились обстоятельства.

Потом она вспомнит об этом и поймет, что все вело к одному – показать ей, что ни в чем в этой жизни нельзя быть уверенным. Шутка как раз в ее духе, но времени, прежде чем она сможет над ней посмеяться, пройдет немало.

Джози соскребла остатки карамельного соуса с тарелки и облизав ложку, объявила всем за столом:

– Наелась до отвала! Какое счастье! А я-то думала, что мы тут будем сидеть на кроличьей еде.

Похлопав себя по животу, круглому под натянувшимся до отказа лаймово-зеленым джерси, она фамильярно ткнула локтем свою соседку, пухленькую Белинду. Та аж подскочила, хихикнула и закатила глаза.

– Ой нет, то есть я вообще об этом не думала. – Белинда всплеснула маленькими ручками, кинула взгляд на Анжелу и мрачного Уильяма, сидевших на другом конце стола, и скорчила гримасу. – Честно говоря, я просто боялась до смерти.

– Боялась? Чего, ради всего святого? – Джози фыркнула, чихнула и уставилась на Белинду.

Та покраснела как рак и окинула окружающих затравленным взглядом. Губы ее растянулись в жалкой улыбке.

Впервые подал голос Уильям, обратив на Белинду унылый взгляд:

– Вам совершенно не о чем беспокоиться.

Белинда с благодарностью посмотрела на молодого человека, а Анжела весело прощепетала:

– Это верно! Вы же знаете, мы все здесь для того, чтобы вам помочь. И с радостью сделаем это.

Джози снова засмеялась:

– Еще бы! Господь свидетель, нам за эту привилегию пришлось основательно раскошиться.

Анжелу слегка шокировало это заявление. Похоже, эта Джози не из тех клиенток, какие обычно посещают Дипден. Она кинула взгляд на противоположный конец стола, где Марго Белл обхаживала леди с хорошей кожей, но с ужасным макияжем, в уродливой, но дорогой одежде – Эдвина, кажется? – а потом на Алистера, изо всех сил старавшегося разговорить странную Хелен, и вознесла хвалебную молитву за то, что сегодня единственный вечер, когда ей приходится вплотную общаться с гостями.

– Да нет, не так уж и дорого, – ворвался в ее мысли писклявый голос Белинды. – Я очень рада, что попала сюда, и намерена получить здесь все, что можно, то есть по полной программе. Она вызывающе окинула присутствующих взглядом и с облегчением, будто стряхнула тяжесть с груди, выдохнула.

– Вот и чудесно! – тут же откликнулась Анжела, решив игнорировать Джози. – Правда, Уильям?

Но внимание Уильяма, похоже, опять что-то отвлекло: он лишь рассеянно кивнул. Анжела мысленно вздохнула и с облегчением подумала, что осталось потерпеть всего какой-то час и она снова окажется в своей милой спартанской комнате с белоснежными простынями в полном уединении.

Белинда возбужденно хихикнула и подергала себя за рукав достойного сожаления платья в цветочек.

– Ну ладно, вообще-то это идея моей сестры Роберты. Она позвонила Марго Белл – понимаете, они когда-то вместе работали моделями – и записала меня. Сказала, уж если Дипден не поможет мне взять себя в руки и вернуться к нормальной жизни, то не поможет ничто. Еще она сказала: это мой последний шанс. Белинда прикусила губу, как ребенок, и в глазах ее заблестели слезы.

– Какая наглость! – бухнула Джози, шмыгнув мясистым носом. – Я бы на твоём месте предложила ей засунуть свое мнение себе в задницу!

Уильям перевел на нее мрачный взгляд, Белинда сдавленно всхлипнула, а Анжела мысленно помолилась, чтобы время ускорило свой ход.

Эдвина сосредоточилась на мелодичных интонациях голоса Марго, чтобы не думать об их разговоре, который находила в высшей степени раздражающим. Она спросила об истории Дипдена в основном для того, чтобы избежать беседы на личные темы, а вовсе не из реального интереса. Алистер Свонсон, довольно приятный молодой человек, изо всех сил старавшийся втянуть в разговор молчаливую Хелен, отреагировал с облегчением и рассказал несколько познавательных историй, но Марго быстро перехватила инициативу, и все покатилося под горку. «Ее бы устами да мед пить», – подумала Эдвина, внимая интонациям голоса Марго, глядя, как шевелятся ее красивые губы, и не вникая в смысл слов. Интересно, она заканчивала какие-то специальные курсы или самоучка? В любом случае неестественно: с такой артикуляцией не рождаются.

Эдвину очень заинтересовала Марго, как и все отличное от нее самой. Эдвина усердным трудом пробилась наверх и преуспела: в финансовом мире ее хорошо знали и очень уважали, часто цитировали в экономических колонках ежедневных газет; она заседала во множестве правительственных экспертных комиссий; ее хладнокровие, готовность к обдуманным рискам и жесткость высоко ценились даже самыми консервативными представителями этой преимущественно мужской профессии.

Сейчас ей осталось подняться всего лишь на одну ступеньку бесконечно длинной карьерной лестницы. Через год, максимум полтора глава корпорации отправится на заслуженный отдых, чтобы наслаждаться своим апельсиновым садом, яхтой, очередной молоденькой любовницей, оставив за собой малую толику руководства, чтобы держать руку на пульсе и удовлетворять свою привычку к власти и долгим ленчам. Эдвина знала, что именно она очевидный, а скорее единственный претендент на его должность.

Знала она и то, что никто другой лучше ее не справится со всеми сложностями этой работы, но ей хватало ума понимать, что существует некая область, в которой ее пригодность могут поставить под сомнение. Глава корпорации – это мозги и опыт, вне всякого сомнения (у нее есть и то и другое, и на ее теперешней должности больше ничего и не требуется), но глава корпорации – это еще и первое лицо компании. Имидж и способ подачи – вот в чем вопрос. Если мужчине достаточно модно подстричься, тщательно побриться, привести в порядок ногти, надеть дорогой костюм, рубашку, галстук, итальянские туфли и научиться излучать атмосферу власти, то дело в шляпе, а с женщиной все гораздо сложнее.

Эдвина сжала губы и посмотрела на Марго Белл. Из ее чувственного накрашенного рта по-прежнему лилась бессодержательная чушь, в пустых блестящих глазах отражался холодный нарциссизм. Право же, какая ирония в том, спокойно размышляла Эдвина, что именно эта женщина будет ее учить. В жизни бы не поверила! Ей всегда казалось, что преданность делу, усердный труд, идеализм и ум – вот те качества, что необходимы для утверждения на выбранной нише.

Время от времени приглашение на концерт или обед от какого-нибудь тощего юнца, которого, как ей казалось, она сможет при более близком знакомстве презирать чуть меньше, заставляло Эдвину временно отказаться от своих резких суждений и попытаться приобрести хоть немного женского шарма. С возрастающим чувством беспомощности она вступала на незнакомую территорию бутиков и модных парикмахеров, в панике тратила на них свои скудные средства, а позднее, дома, с унижением и тошнотворным отчаянием смотрела на результат. Эдвина от воспоминаний о своем отражении в зеркале спальни теми вечерами, удивленном, натянутом выражении лиц тех тощих юнцов, когда она открывала им дверь, по сей день краснела и негромко стонала сквозь стиснутые губы.

Годы шли, профессиональная уверенность в себе росла, и Эдвина с облегчением поняла, что больше предавать саму себя не намерена. Сказав себе, что плевать ей на мнение всех мужчин на свете о ее сексуальной привлекательности, она была уверена, что это действительно так... если исключить потайной уголок в сознании, где пряталась та юная девушка. Эдвина так

и не встретила мужчину, за которого хотела бы выйти замуж. Иногда ей в голову приходила мысль, что если бы она не была столь консервативна, то могла бы найти... женщину, с которой хотелось бы разделить жизнь. За исключением одного-двух памятных и прискорбных моментов, теперь решительно отправленных в прошлое, ей не составляло труда отказаться от этой части себя и отдаться работе со страстью, которую другие изливали на любовников.

Эдвина тщательно следила за своим гардеробом, тратила кучу денег на одежду и обувь, делала макияж. Это униформа, говорила она себе. Это часть профессии: нужно выглядеть частью целого. Однако Эдвина знала, то, что считается приемлемым для второго лица в команде, не подойдет для первого. Для женщин правильной униформы не существует. Слишком большой выбор, слишком много оттенков и стилей, слишком много возможностей ошибиться. Эдвина со своей обычной прозорливостью понимала, что представляет собой дорого одетую замухрышку, чучело; понимала, что это видят и другие; понимала, что многие считают это слабостью, хотя не подумали бы так, будь она мужчиной. И это дает всем, от младшей машинистки до директора-распорядителя, возможность в частных разговорах относиться к ней снисходительно, какое бы уважение они не проявляли ей, и подрывать ее авторитет хитроумными и незаметными способами, контролировать которые она не в силах.

И, что вполне типично для Эдвины, придя к этому заключению, она не стала тратить время на то, чтобы мысленно бушевать из-за тупости, несправедливости и неприемлемости такого отношения. Она просто увидела в этом проблему, с которой необходимо разобраться, как и с любой другой, и спокойно принялась за поиски решения в своей обычной манере – быстро, эффективно и без эмоций. Вне всякого сомнения, тут нужен эксперт, а также конфиденциальность: Дипден обеспечивал и то и другое. Но если процесс будет ее раздражать и утомлять, что ж, она имеет значительный опыт и знает, как выполнять свою часть игры.

Эдвина любезно улыбнулась Марго, и та ответила ей широкой самоуверенной улыбкой. «Можешь презирать меня, сколько влезет, пустая расчетливая сучка, – бесстрастно думала Эдвина. – Ты всего лишь способ достижения цели, и не более того. Через две недели я забуду о тебе и об этом месте как о кошмарном сне».

– ...вот так все и началось, – наконец-то закончила Марго, изящно раскинув руки, словно хотела обнять комнату, серебро и хрусталь, официантов в форменной одежде, всех присутствующих. – У нас была мечта, и мы превратили ее в реальность. Нам очень повезло. Это очень, очень тяжелый труд. Мы работали не покладая рук, и у нас получилось, правда, Алистер?

– О да, дорогая, – сухо отозвался ее партнер.

Эдвина с некоторым удивлением посмотрела на него. Совершенно ясно, что он и есть рабочая лошадка, а Марго работает лишь на публику. Забавное партнерство. Может, уздечка начинает натирать?

– Я думала, нас будет пятеро, – послышался голос Хелен, что было весьма неожиданно: она и рта не открыла с начала обеда.

Марго мгновенно взяла себя в руки и одобительно улыбнулась, словно хотела сказать: «Наконец-то выбираешься из своего панциря. Хорошая девочка. У тебя большой потенциал, несмотря на отталкивающие манеры».

Хелен окинула ее флегматичным взглядом и повторила:

– Я думала, нас будет пятеро – по крайней мере, так говорилось в брошюре.

– Наша последняя гостья еще не прибыла, – произнес Алистер, посмотрев на часы, а потом на Марго. – Да, что-то опаздывает. Надеюсь, с ней все в порядке и дело просто в непогоде.

Марго засмеялась.

– О, милый, ты совершенно несносный! Уверена, что с ней все в порядке. Эти люди знают, что делают.

– Какие люди? – резко спросила Хелен.

Взгляд Марго метнулся в сторону и нарочито рассеянно произнесла:

– О, вы знаете, эти медиаперсоны...

– Вы же не хотите сказать, что сюда приедет журналистка, Марго? Вы заверяли в абсолютной конфиденциальности. – На лице Эдвины не отразилось и капли той тревоги, которую она испытывала, но голос был ледяным.

Взгляд Марго снова метнулся в сторону.

– Ой, ну что вы, не паникуйте, дорогая. У наших гостей, знаете ли, каких только работ не бывает. Этого я изменить не могу. Но эта девушка даже и не журналистка. Насколько я помню, она аналитик. И голос у нее очень приятный. В любом случае...

– Дело не в панике, Марго, – оборвала ее Эдвина, сдерживаясь изо всех сил.

– Она приезжает с той же целью, что и все мы? – не желала дать сбить себя с толку Хелен.

– Разумеется.

Марго намеренно посмотрела на часы, затем повернулась к Алистеру, который заерзал на стуле, и беззаботно заметила:

– Хорошо, что мы не стали откладывать обед, правда? Что-то она опаздывает. Бедная девочка, наверное, умирает с голоду.

Тепло улыбнувшись официанту, который спешил к ним с серебряным кофейником, Марго легко переключилась на него:

– Спасибо, Майкл. Чудесный кофе. Кофе, Хелен? Эдвина? Сахар? Сливки?

– Марго... – попытался было привлечь ее внимание Алистер, но она уставилась на него вдруг ставшими холодными, как зеленое стекло, глазами:

– Не суетись, милый. Расслабься. Все хорошо.

Повисло неловкое молчание. Хелен открыла было рот, собираясь что-то сказать, но Эдвина, нахмурившись, подалась вперед...

И тут прозвенел дверной звонок, громко и длинно, и следом раздались поспешные шаги по мраморному полу холла. Замки щелкали, как пистолетные выстрелы – открывалась парадная дверь. Прогремел гром, на веранду потоком хлынул дождь. Затем дверь захлопнулась, послышался звук шагов в сторону столовой, сопровождаемый приглушенными голосами, странным шуршанием и шелестом.

Марго вздернула подбородок, приподняла уголки губ и приготовилась дежурной улыбкой встретить опоздавшую. Алистер не знал, что Марго не предупредила гостей об истинной цели пребывания здесь этой Верити Бердвуд, и теперь собирался всем сказать, что она и его, и всех остальных обманула. Марго могла бы ему рассказать, не будь он таким педантом. И потом, она вовсе не соврала – просто сказала, что займется этим сама, вот и все. Так лучше для их дела. Не хватало еще, чтобы гости отказались от посещения Дипдена! И так не все у них хорошо. Кроме того, представители Эй-би-си настаивали, что все должно идти как обычно, пока Верити Бердвуд будет здесь, и, конечно, Марго согласилась. Естественно, программа для мисс Бердвуд будет отличаться от прочих. По множеству причин Марго отбирала гостей на эти две недели лично, что бы там ни говорил Алистер. А чего мисс Бердвуд не узнает, то им и не повредит.

Марго постаралась расслабиться. Все будет хорошо. Алистеру придется смириться с ситуацией: все зашло слишком далеко, и у него нет выбора. В Эй-би-си ее заверили, что женщина-аналитик совершенно ненавязчиво впишется в коллектив.

В дверном проеме появилась миссис Хиндер, экономка. Одета в свою обычную черную униформу, она пребывала в некотором замешательстве. Марго увидела, что глаз у экономки дергается, а рот перекошен словно от тика. Заметив удивленный взгляд хозяйки, миссис Хиндер отошла в сторону, и взорам присутствующих предстала маленькая темная фигура с огромными глазами и спутанными мокрыми волосами. К голове и рукам прилипли водоросли

и трава. Непонятное создание, захлопав, зашевелилось и обнажило стучащие зубы, то ли в оскале, то ли в улыбке, а может, и вовсе в непроизвольном спазме.

Марго поднялась, а миссис Хиндер фыркнула и, прикрыв рот ладонью, пробормотала:

– Упала в речку, мисс Белл.

– Здрасьте, – подала голос Верити Бердвуд. – Лох-несское чудовище к вашим услугам.

Глава 3

Как же хорошо!

Ванна – горячая и ароматная; полотенца – белые и пушистые; ковер под босыми ногами – мягкий. И сама ванная комната – выше всяческих похвал: теплая, наполненная слабым запахом цветов и фруктов.

Ванная примыкала к жилой комнате с огромной удобной кроватью и низким столиком у дивана.

Берди близоруко прищурилась, посмотрев на кровать и, с трудом справившись с искушением прилечь, села на краешек дивана, закутавшись в роскошный пушистый банный халат, который оставила ей миссис Хиндер. Больше одеться ей было не во что. Саквояж, который она так по-дурацки попыталась перетащить через речку, сейчас, вероятно, плыл к морю вместе с очками и сумочкой. Наверное, и машина тоже. Так ей и надо: испугалась капли воды и заглохла, с горечью подумала Берди, но тут же испытала жалость, стоило подумать, как эта развалюха лежит колесами кверху где-нибудь на илистом дне. Хорошо, что и ее не постигла та же участь. Берди аж содрогнулась, вспомнив, как земля ушла из-под ног, как с замиранием сердца падала вниз, в темноту, как ледяная грязная вода смыкалась у нее над головой. Было несусветной глупостью пытаться срезать путь через реку в темноте в совершенно незнакомом месте. Куда до нее Шине – королеве джунглей! У нее теперь даже шкуры леопарда нет, чтобы прикрыться, а для полного счастья она еще и слепа, как летучая мышь.

В дверь тихонько постучали, и вошла миссис Хиндер с подносом, заставленным серебряными блюдами. Поставив все это на столик перед Берди, экономка сказала:

– Думаю, вам не помешает немножко перекусить. Кухня уже закрыта, так что не обесудьте: все, что смогла...

– О... спасибо вам огромное, миссис Хиндер!

– Ну как, пришли в себя? Должна сказать, выглядите вы заметно лучше.

Экономка, склонившись над подносом, принялась открывать блюда, и Берди подвинулась вперед, чуть поморщившись от боли.

– Да, спасибо.

– Мой Джордж позаботился о вашей машине: вытащил ее на обочину, чтобы не пострадала. А, – еще добавила экономка, – у меня кое-что есть... Это должно вас подбодрить! Джордж нашел на берегу вашу сумку: должно быть, вы ее уронили, когда падали. Хотя она промокла, конечно. И вот это! – С видом фокусника она вытащила, как кролика из шляпы, из кармана очки. – Смотрите, ни царапинки!

– О, слава богу! – воскликнула Берди и разве что не вырвала очки из рук экономки.

Мир сразу обрел резкость, как только она нацепила их на нос.

– Завтра утром, голубушка, мы отправим вашу одежду в прачечную, – между тем прощбетала миссис Хиндер. – А пока мисс Белл что-нибудь вам подберет. Обычно стилисты приходят консультировать дам в середине недели, но на складе всегда хранятся кое-какие вещи – образцы, которые они оставляют, и все такое. И не беспокойтесь: они подойдут вам так, словно вы их выбирали сами. Должна признать, когда речь идет об одежде, Марго упрекнуть нельзя, чего не скажешь о многом другом. Перекусите, а, чтобы вы могли спуститься к десяти выпить, если захотите, я принесу вам кое-что: ночную рубашку и всякое такое.

Миссис Хиндер по-матерински кивнула, потрепала Берди по плечу и выплыла из комнаты.

Берди повернулась наконец к подносу с ужином, и рот ее тут же наполнился слюной. Какая вкуснота: куриный суп, теплые румяные булочки, несколько маленьких кружочков

масла, омлет, копченый лосось, ежевичный кекс со сливками и большой чайник чая. И никаких пророщенных зерен! Благослови вас Господь, миссис Хиндер!

Берди жадно набросилась на еду, с каждой минутой ощущая, что жизнь налаживается. Добравшись до десерта, она почувствовала, что определенно ожила. Просто поразительно, на что способны крыша над головой и тепло! И тут же в памяти всплыли слова экономки, показавшиеся ей странными: «Должна признать, когда речь идет об одежде, Марго упрекнуть нельзя, чего не скажешь о многом другом».

Сразу возникает куча вопросов, особенно если вспомнить, еще и язвительный тон, каким были произнесены эти слова. Похоже, не все так гладко в Дипдене: имеются подводные течения, а в безупречных доспехах легендарной Марго Белл есть трещинки человеческих слабостей. История может оказаться намного интереснее, чем предполагала Берди. Возможно, ей удастся вернуться в Сидней с чем-то по-настоящему увлекательным.

Берди задумчиво сунула в рот последнюю ложку десерта и налила еще чашку чая. Конечно, это будет не совсем та история, которую ждет идиот продюсер, но она пройдет по этому мостику, когда до него доберется.

Берди невесело усмехнулась пришедшей на ум метафоре и поднесла чашку к губам. Только в следующий раз она будет держаться подальше от глубоких вод. Наконец согревшись, довольная и сытая, она откинулась на спинку дивана, прислушиваясь к негромкому ровному шуму дождя за окном и отдаленному рокоту грома.

– Расписание есть в каждой комнате, Алистер?

Марго внимательно взглянула на партнера через очки, которые надевала только в своем кабинете, когда там не было никого, кроме Алистера и Уильяма, а они не считаются. Очки придавали ей деловой вид, и обычно Алистер воспринимал это нормально, но сейчас почему-то она его ужасно раздражала. Было совершенно непонятно, почему Марго не предупредила клиенток о том, что среди них будет телевизионный аналитик, и это сильно беспокоило. Но больше всего действовала на нервы холодная убежденность Марго, что ее решения не обсуждаются. В последнее время она стала слишком властной и своевольной: обращается с ним как с подчиненным, а вовсе не как с партнером. А уж такое, как сегодня, и вовсе не приемлемо.

Алистер угрюмо уставился на нее: она отлично знает, что за всеми обычными приготовлениями он проследил, как всегда.

Марго вскинула брови и провела тонкой золотой ручкой по листу бумаги, который держала в руке.

– Куда ты поселил сестру Роберты... как ее там? Ах да, толстушку Белинду. О, вижу. В «Клеопатру»? Господи, Алистер, это совершенно не годится!

– Прости, если это тебя оскорбляет, милая. В этой группе у нас не хватает королев с привилегиями. А насчет Белинды у меня есть некоторые идеи, так что все будет хорошо. И послушай...

– Алистер, прекрати меня донимать! – Марго сняла очки и умоляюще посмотрела на него. – Прости, если я повела себя неправильно в этой истории с дамой из Эй-би-си, но скоро все успокоится, вот увидишь. Мне пришлось пережить немало трудных минут из-за денег, а тут еще Уильям... Милый, ты же все понимаешь. – Порывисто протянув руку, она сжала его пальцы. – Ты был, как всегда, прав насчет Уильяма! Мне следовало к тебе прислушаться.

Алистер попытался «сохранить лицо»: слишком давно и хорошо знал он Марго: когда нужно, она умела быть обходительной! И что самое интересное, она верила в каждое свое слово или думала, что верит. Просто для Марго манипуляции сделались настолько привычными, что стали ее неотъемлемой частью. Алистер покачал головой, поймав себя на том, что против воли криво усмехается.

– Знаешь, Марго, если будешь продолжать вот так идти напролом, однажды навлечешь на нас неприятности!

Мельком взглянув на часы, она едва ли не замурлыкала:

– Дорогой, я знаю, прости меня, ладно? Уже почти десять: пора бы опрокинуть стаканчик на ночь. Я сегодня так устала!

– Ничего удивительного, – сухо заметил Алистер. – Так безрассудно прожигать жизнь, в твоём-то возрасте...

– В смысле? – оцетинилась Марго.

– Ты все отлично поняла. И как только тебе это удастся, не понимаю...

Алистер едва не вздрогнул, увидев, как изменилось выражение ее лица. Теперь это было неприступное высокомерие. Что бы он сейчас ни сказал, это ничего не изменит. Они и так только что помирились. Но он очень устал, его раздражало, что приходится все время подстраиваться под ее настроение, вести себя так, чтобы она, упаси бог, не рассердилась, держать себя в руках.

Поэтому, с каким-то извращенным наслаждением глядя, как мрачнеет ее лицо, Алистер упрямо продолжил:

– Уильям был уже никуда не годен, но этот парень и вовсе дешевка. Сексуально озабоченный, безмозглый, холодный, тщеславный фигляр и альфонс! Что ты в нем вообще нашла?

– Заткнись, Алистер! – Марго аж перекосило от ярости. – Ты в этом совершенно ничего не понимаешь и вообще это не твое дело!

– Нет уж, когда ты выставляешь себя на посмешище, бросаешься на какого-то скользкого жиголо и забываешь обо всем остальном, – это и мое дело тоже. Я тащу на себе все это чертово шоу и меня уже тошнит!

– Вот как? Что ж, ты знаешь, как это можно исправить, верно?

Алистер напрягся и ровным голосом произнес:

– Если ты имеешь в виду, что я могу отсюда убраться, то, похоже, забыла, что я не твой подчиненный: мы партнеры, помнишь? Вся эта штука целиком началась с моей идеи...

– И моих денег, – жестко перебила Марго, скривив губы. – Я вложила сюда все...

– Чушь собачья, Марго! Ты вложила сюда лишь часть своих денег, а вот я действительно все, что у меня было: остальное мы заняли. Не начинай перекраивать прошлое, хорошо? Ты припрятала приличную сумму и отлично себя чувствуешь: путешествия в Европу, дизайнерские тряпки, подтяжки в Голливуде...

– Ублюдок! – взвизгнула Марго, и рука ее непроизвольно метнулась к шее, в глазах блеснули слезы. – Ты же обещал: никогда, никогда...

Алистер сделал глубокий вдох и внезапно успокоился, сообразив, что зашел слишком далеко. Они смотрели друг на друга, оба тяжело дышали и сопели как паровозы.

– Прости, любовь моя, – пробормотал он наконец. – Прости. Мне не стоило этого говорить. Я вспылел.

Марго какое-то время молча смотрела на него, а потом очень неохотно улыбнулась.

– Разумеется, милый. Давай просто забудем об этом и перестанем ссориться, а то я этого не выдержу, честное слово. Мы оба и так в ужасном напряжении, правда? Это место...

Алистер покачал головой. Гнев испарился, и теперь его слегка подташнивало, он чувствовал пустоту и усталость и испытывал благодарность к Марго за мягкость, пусть даже и неискреннюю.

– Я не понимаю! Как все могло так измениться? Ведь сначала все шло так хорошо!

Она поморщилась и кивнула на кипу счетов на письменном столе.

– Все подорожало. Этот дом просто невозможно отопить. А еда! Она обходится нам в целое состояние. Да и за хороший персонал приходится платить бешеные деньги. Впрочем, ты сам все это знаешь.

Алистер пожал плечами.

– Значит, нужно экономить. Может, Анжела согласится на неполный рабочий день. Я имею в виду... Разве ты сама не можешь давать уроки по макияжу? Пусть не лицо и маникюр, а общий курс...

Марго ничего не ответила.

– В конце концов, с волосами я все делаю сам, – осторожно продолжил Алистер. – Кроме того, я занимаюсь бронированием, расписанием, управляю этим местом, а ты в основном только и делаешь, что консультируешь. У тебя единственный полный рабочий день – понедельник. Я тут подумал, что, раз уж наступили тяжелые времена, ты могла бы проводить больше практических занятий. Гости будут просто в восторге, милая, да и сама ты наверняка получишь удовольствие...

– Ты забыл, что всю бухгалтерию я веду практически одна – от Уильяма пользы как от козла молока, – холодно перебила его Марго. – Управляю бизнесом, разбираюсь с банками, занимаюсь пиаром – и это помимо консультаций по понедельникам, которые, как ты и сам прекрасно знаешь, ужасно меня выматывают. Вчера ночью меняхватило только на массаж и сон. Если ты хочешь, чтобы я довела себя до могилы...

– Милая, ну конечно, не хочу! – Алистер почувствовал, что снова сдается. – Я лишь пытаюсь найти выход из положения, вот и все.

«О боже, опять я начинаю канючить! Ну почему всегда все заканчивается именно так?»

– Алистер, я уже говорила: единственный выход – сократить срок пребывания до недели, удвоив таким образом одним махом сумму поступлений. – Марго подалась вперед, глаза ее загорелись. – Это будет так просто, милый! Они все равно будут приезжать толпами и платить столько же, а нам вполне достаточно и недели. Все равно вторая – это так...

– Для закрепления материала и практики. Без этой второй недели они мгновенно забудут все, чему мы их учили, и ты это знаешь, Марго, – твердо произнес Алистер. – Вся моя концепция строится на том, чтобы получить настоящий результат, а не слегка приукрасить женщину и отпустить. Мы проходили все это, и не раз. Я не передумаю. Придется найти другой выход.

Марго надела очки, задумчиво посмотрела на него и, опустив взгляд к горе счетов на столе, пробормотала:

– Что ж, я свое слово сказала. И сделала все возможное, чтобы тебя убедить. Мы не можем поднять цены в ближайшие полгода, потому что на это время все места уже забронированы. Хотя вряд ли мы сумеем продержаться так долго: придется снова лезть в долги.

– А нам дадут?

Марго пожалала плечами.

– Те же самые люди – нет, но можно обратиться к другим. – Она легонько постучала золотой ручкой по безупречным зубам. – У меня есть парочка идей. Контакты всегда помогают. Личное отношение. Посмотрим.

– Марго... – Алистер поколебался, прежде чем продолжить. – А как насчет остальных твоих денег? Разве нельзя вложить их в дело?

Она с упрёком посмотрела на него.

– О, как ты можешь меня об этом просить? Мне на собственные нужды не хватает с такими низкими банковскими процентами и теперешней инфляцией. Везде такая дороговизна, милый!

– Да что-то непохоже, чтобы ты бедствовала. Не понимаю, почему бы тебе не подумать об этом.

Алистер знал, что выглядит обиженным, но до этой минуты даже не догадывался, насколько его возмущает наличие у Марго личного дохода – денег, которые обеспечивают ей роскошь, возможность путешествовать и свободу, денег, которые так помогли бы Дипдену!

Голос Марго сделался резким:

– Об этом не может быть и речи! У нас осталась единственная надежда – убедить кого-нибудь, кому я смогу изложить нашу позицию, вложить в это дело деньги.

– Банки вряд ли пойдут на такой риск.

– Вот именно, – улыбнулась Марго. – Они предпочитают надежность. Как, к примеру, наш однедельный план: сразу видно, в чем тут плюс. Знаешь, я не удивлюсь, если это будет их условие при займе. Они-то поймут, что только так смогут получить назад свои денежки.

– Марго! – Алистер почувствовал новый прилив ярости. Щеки его побагровели. – Не играй со мной! И не смей им это предлагать, или я...

Она снова натянуто улыбнулась, но глаза ее оставались ледяными.

– Что, сладкий мой? Не думаю, что на данном этапе ты в том положении, чтобы мне угрожать. Это я дергаю за ниточки. И раздобыть деньги могу только я. Тебя никто не отличит от куска мыла, и ты это знаешь. Всем известно, что Дипден – это я, не ты!

– Марго... – изумленно прошептал Алистер, но она лишь вскинула брови.

– Если ты думаешь, что я позволю всему развалиться только потому, что у тебя в голове лишь утопические мысли о превращении серых мышек в ослепительных красавиц навечно, ты еще глупее, чем я думала. Ну а если тебе что-то не нравится, можешь выкупить мою долю.

Алистер был в таком бешенстве, что у него перед глазами плясали черные точки, но все же вцепился в край стола и заставил себя говорить спокойно:

– Ты прекрасно знаешь, что у меня нет на это денег.

Марго усмехнулась.

– Вот именно. И никто их тебе не одолжит, потому что все знают: без меня Дипден – ничто, пустое место. Так что решай. Что бы ты ни думал и ни хотел, впредь все здесь будет делаться по-моему. И ты ничего не сможешь изменить.

В дверь постучали. Раздался щелчок, и возникшая на пороге миссис Хиндер с любопытством уставилась на них.

– Мы заняты, миссис Хиндер! – недовольно буркнула Марго. – У вас ко мне какое-то дело?

Экономка выпрямилась и негромко хмыкнула, ясно давая понять, что возмущена ее тоном.

– Та бедняжка, что упала в реку, хочет поговорить с вами, прежде чем присоединится к остальным гостям, мисс Белл.

– Надеюсь, о ней как следует позаботились, миссис Хиндер? Для меня очень важно, чтобы гости были всем довольны. Ей дали одежду? Накормили? – холодно поинтересовалась Марго.

Экономка посмотрела на затылок Алистера и усмехнулась.

– Разумеется, о ней позаботились! Этим занималась я лично. Бедняжка. Такого, что с ней приключилось, никому не пожелаешь. Хорошо, что Джордж нашел ее сумку. Она, знаете ли, без очков слепа как котенок. Ну так что, вести ее сюда или как? Мне, знаете ли, давно пора уходить. Мой рабочий день закончился два часа назад. Нечестно заставлять Джорджа дожидаться...

– Да-да, хорошо, миссис Хиндер. – Марго нетерпеливо провела рукой по гладким волосам. – Мы просим вас задержаться раз в сто лет, не чаще. И пока я не забыла, будьте так добры, напомните своему мужу, чтобы в будущем пользовался черным ходом, когда приходит за вами. Мы об этом уже говорили!

Миссис Хиндер поджала тонкие губы, но ничего не сказала, и Марго, удовлетворенно кивнув, встала с кресла.

– Думаю, я сама поднимусь в ее комнату и поговорю с ней. «Джульетта», верно?

Марго взглянула на Алистера, вскинула брови, заметив его упрямо-бесстрастное лицо, и направилась к двери.

– Джордж говорит, весной у реки откроется новый отель, – небрежно произнесла миссис Хиндер, отходя в сторону, чтобы пропустить Марго.

– О, правда? – мило улыбнулась Марго.

Вот так. И старая склочница миссис Хиндер уже успокоилась. Если бы только Алистер понял, как полезно держать персонал в ежовых рукавицах. Так они только больше уважать будут. Миссис Хиндер считает, что у нее есть какие-то привилегии только потому, что работала на предыдущих владельцев Дипдена. Но стоило напомнить ей, кто теперь хозяйка, и она сразу присмирела.

– Да, Джордж видел большое объявление в «Курьер-мейл» – набор местного персонала: экономка, разнорабочий, официанты, горничные, всякое такое. – Миссис Хиндер задумчиво покивала, глядя в пространство и протянула: – Отличное местечко. Не удивлюсь, если у них будет очередь из желающих.

Улыбка Марго слегка дрогнула, и она пробормотала:

– Да? Что ж, я рада...

Проскользнув мимо миссис Хиндер, она вышла в коридор, звук ее шагов на мгновение затих, а затем раздалось звонкое цоканье высоких каблучков по направлению к лестнице.

Миссис Хиндер позволила себе триумфально фыркнуть, затем обеспокоенно посмотрела на Алистера, по-прежнему неподвижно сидевшего спиной к двери, и грубовато спросила:

– С вами-то все в порядке?

– О да, спасибо, Бетти, – вымученно ответил Алистер, не оборачиваясь.

Миссис Хиндер моментально оказалась с ним рядом и положила загрубевшую руку на плечо.

– Марго вздорная и очень хитрая, – прошептала миссис Хиндер. – Я слышала ваш разговор. Не поддавайтесь ей, голубчик. Она только и может, что языком трепать. Вы стоите сотню таких, как она, и все это знают. Во всяком случае, тут.

– Так в этом-то все и дело, Бетти. – Алистер потер глаза тыльной стороной ладони. – Те, что снаружи, не отличат меня от Адама – это она точно подметила.

Громыхнул гром, замигал свет, и Алистер нетерпеливо взглянул на зашторенное окно.

– О, будь проклят этот дождь! Будь проклято все на свете!

Экономка стиснула его плечо и молча сочувственно поджала губы.

Дождь стучал по крыше веранды. Алистер поднял голову, прислушался и, наконец, спросил:

– А что говорит Джордж?

Миссис Хиндер прекрасно поняла, о чем он.

– Если так пойдет и дальше, к полуночи река выйдет из берегов. Судя по сводкам, по всему побережью происходит то же самое. Джордж думает, скоро вода перельется через плотину.

– Ах ты черт!

– Да уж, хорошего мало, – согласилась экономка. – Но с другой стороны, тут никогда не угадаешь: может, и прояснится.

– Дай-то бог. – Алистер устало поднялся и, взглянув в ее встревоженное лицо, подмигнул: – Не волнуйтесь, со мной все в порядке. Марго не думает и половины того, что говорит, уж вам-то это известно.

Экономка повернулась к двери и мрачно произнесла:

– Может, и так, но лучше бы этой леди следить за своим языком, а то больно уж перебарщивает: как бы ей однажды не пожалеть. Вон у Уильяма уже едва крыша не едет.

– Ну, он всегда таким был. – Алистер вслед за ней подошел к двери и отрывисто спросил: – Вы же не пойдете работать в тот новый отель, Бетти?

Экономка поморщилась.

– Не думаю. После стольких-то лет. Но она вас ломает. Вы не можете не признать, голубчик, что работать с ней чертовски тяжело. И с каждым днем все становится хуже. Нельзя винить меня за то, что подумываю уйти, да и остальные тоже.

Алистер вздохнул.

– Согласен, но не представляю, что мы будем без вас делать.

Суровое лицо экономки смягчилось, и она пробормотала:

– О, вы бы справились. Да только вам и не придется, верно? Мне не нравится Марго Белл, а я не нравлюсь ей, но этот старый дом я люблю. В ноябре будет двадцать лет, как я тут, представляете? А вы и не плохой вовсе, с вами не так и сложно.

Алистер в первый раз улыбнулся.

– Спасибо, миссис Хиндер.

Она кивнула и вышла, оставив его в кабинете.

Глава 4

Наверху, совершенно не интересуясь никакими проблемами, кроме собственных, четыре женщины размышляли о предстоящих двух неделях.

За дверью с табличкой «Мария Антуанетта» Джози чихнула и, плюхнувшись на мягкий диван, высморкалась и принялась обмахиваться журналом. В своем костюме-джерси она чувствовала себя какой-то липкой, ей было неуютно. Может, температура? Да нет, вроде все в порядке, только брючный костюм кажется слишком тяжелым и теплым. Надо бы сразу после обеда принять душ и переодеться – кондиционер в этом доме греет, как в сауне. А теперь просто времени не хватит. Напитки в десять, и просили не опаздывать. Джози снова перечитала распечатанные листки с подробностями ее дневного графика:

Понедельник

07:30 – завтрак

09:00 – уход за лицом

10:00 – консультация с Алистером по волосам; свободное время

13:00 – ленч

14:00 – консультация по макияжу с Марго; свободное время

16:00 – массаж; свободное время

18:00 – коктейли

19:00 – обед; свободное время

22:00 – групповая беседа с Марго перед сном.

Во вторник Джози ожидал массаж, занятия по макияжу, консультация по гардеробу, маникюр и, конечно, групповая беседа с Марго перед сном... Судя по всему, у нее будет куча времени, чтобы поближе познакомиться с Марго Белл. Ее губы искривились в недоброй улыбке, странно смотревшейся на пухлом лице. Что подумал бы Глен, если бы узнал, что она здесь? Расскажет ли она ему когда-нибудь? Скорее всего нет.

Муж наверняка уже переоделся в голубую пижаму и халат, включил в спальне телевизор, пока экономка, нанятая на эти две недели, занимается со старшими детьми и наводит порядок в доме. О жене он, конечно же, не волнуется – для него она сейчас с удовольствием проводит отпуск на Золотом берегу. Завтра утром он сядет в свой «ягуар» и, как обычно, поедет на работу: сытый, чистенький, хорошо одетый, пахнущий одеколоном «Арамис», крупный, успешный, организованный, самостоятельно выбившийся в люди; за спиной у него много лет тяжелой работы и тревог, поэтому плоды успеха до сих пор ему сладки.

Джози швырнула листки с расписанием на кофейный столик, легла на диван и посмотрела на свое отражение в зеркале в позолоченной раме, висевшем над письменным столом на противоположной стене. Из зеркала на нее смотрело собственное непроницаемое лицо. Но при мягком освещении и абрикосовых тонах стен оно выглядело вполне приятным. И все же ничто не могло скрыть годы труда, волнений, забот, скверной экологии и пренебрежения собственной внешностью. Ничто не могло вернуть очарования свежести грубым чертам лица, никогда, даже в молодости, не представлявшего собой ничего особенного: так, приятное, полненькое и веселое.

Джози была уверена, что выглядит лет на десять старше Глена, а может, и на все пятнадцать. При знакомстве с ней мало кому удастся скрыть удивление: по взглядам заметно, что все ожидают увидеть рядом с Гленом женщину ему под стать: такую же холеную. Глену под стать должно быть все: дом, в котором они живут, трое их детей (все учатся в частных школах,

дружат с детьми богачей, научились говорить «скатерть» вместо «скатерка» и конфузятся при виде консервированных спагетти, которые Джози до сих пор иногда подает на ленч).

По поводу детей она особенно не переживала: они ее любят, вне всякого сомнения. Знают же, как много мать ради них трудилась все эти годы, помнят, как готовила, убирала, шила, купала их, кормила, заходила подоткнуть одеяло и поцеловать на ночь – и все сама, потому что Глен допоздна работал (ну или отговаривался этим) и приходил домой затемно. Порой Джози срывалась: не выдерживали нервы. Да и кто бы не сорвался, если денег вечно не хватает да и присматривать за тремя шустрыми детьми непросто. И все равно они были счастливы, да и она тоже, и никогда ни о чем не жалела. Ни мгновения не сомневалась, что все ее жертвы того стоят. Всегда думала о себе в последнюю очередь, а юность проходила в абсолютной уверенности, что ее ценят и любят просто так, а не за внешность или модный прикид. Да так оно и было: всего полгода назад ей это достоверно доказали, – правда, совсем не тем способом, какой выбрала бы она.

И вот теперь она здесь, в спа-отеле Марго Белл, ценная платежеспособная гостя, и чтобы научиться быть красивой. Какая ирония! Улыбнувшись своему отражению, Джози задумчиво провела языком по зубам. Эта привычка появилась у нее, после того как на двух передних было сделано искусственное покрытие. Ей нравилось ощущать их гладкую поверхность. Взглянув на часы, она со вздохом поняла, что пора присоединиться к толпе: поболтать перед сном о том, о сем. Тоска зеленая... Пока Джози не обнаружила здесь ни единого человека с чувством юмора. С другой стороны, она ведь приехала сюда не ради развлечений, верно?

Еще раз чихнув и посмотревшись в зеркало, Джози взъерошила и так всклокоченные волосы, затем прихватила свою большую сумку, до отказа набитую носовыми платками, эвкалиптовыми каплями, бумажником, ключами, кредитками, письмами, драгоценностями и прочими вещами, необходимыми для удобства или безопасности. Джози аккуратно засунула внутрь листок с программой превращения ее в красотку и собралась отправиться вниз. Дверь в комнату, как она успела заметить, запереть можно, но у персонала наверняка есть запасные ключи, а в местах, подобных этому, нет предела осторожности. Она вовсе не хотела, чтобы кто-нибудь рылся в ее вещах.

Выключив свет и заперев дверь, Джози вдруг ощутила возбуждение – чего не испытывала уже много лет. Она получит массу удовольствия от этих двух недель, хорошенько побалуует себя хотя бы раз в жизни. Никто не знает, что она здесь, да и назвалась она фальшивым именем и расплатилась банковским чеком, так что волноваться не о чем. Это дарило ей исключительное ощущение свободы и власти. Она может делать все, что угодно, быть кем угодно. Джози с улыбкой еще раз провела языком по гладким белым зубам. «Пора расправить крылья, – сказала она себе, – и наконец взлететь».

* * *

Несчастливая обительница «Клеопатры» Белинда лихорадочно промокнула размазавшуюся губную помаду и подпернула лиф платья в цветочек, в котором выглядела нахохлившимся воробьем. На вечерние коктейли она опаздывала. Ну почему, черт возьми, она не привела себя в порядок раньше? Руки вспотели, сердце колотилось, и Белинда с трудом узнавала свое лицо с широко распахнутыми глазами, которое видела в зеркале в ванной комнате. Может, выпить еще таблетку? Что, если у нее начнется паническая атака прямо при всех? Господи, да они просто вышвырнут ее отсюда. И что скажет Роберта? При одной мысли о сестре сердце заколотило в ребра, в голове эхом прозвучал резкий и властный, с легким итальянским акцентом голос: «Ну, знаешь ли, было нелегко это устроить. Я сказала Марго, что у тебя сложности с мужем. Ясно? Такое может случиться с кем угодно. Господи, да она сама вышвырнула двух мужей, так что знает, какие мужчины мерзавцы. Так что, если кто тебя и спросит, держись этой

версии: незачем вдаваться в подробности. Во всяком случае, если Марго не спросит прямо. Для нее ты всего лишь моя младшая сестренка Белинда. Она всего месяц назад узнала, что у меня есть сестра, так что скорее всего вопросы задавать не будет. Ее мало что интересует, кроме нее самой, и уж тем более, чем ты занималась раньше. Ради всего святого, ты меня вообще слушаешь?»

Рука судорожно дернулась, помада снова размазалась, и Белинда чуть не вскрикнула. Это походило на ее ночные кошмары: куда бы она ни собиралась, все шло наперекосяк, а время неумолимо истекало. Опять послышался голос Роберты: «Да соберись же наконец! Что толку раздумывать об этом? Прояви хоть каплю мужества! Да что с тобой такое? – Затем последовал мрачный взгляд, чисто итальянское пожатие плеч, безнадежный вздох: – О господи, зачем мне все это? Всегда одно и то же, верно?»

– Да, – сказала Белинда зеркалу.

Она всегда была такой, как видела это теперь и сама, да и психотерапевт ясно дал ей это понять. Так было с ее матерью, с Робертой, даже со школьной подругой Лизой – со всеми: ее вели, Белинда следовала. Ее слабость питала их силу, их сила иссушала ее. Ее туповатость поощряла к мелкой тирании тех, кого она любила, и это, в свою очередь, подталкивало ее к беспомощности как к единственному отходному пути, единственному способу доказать им и самой себе, что она тоже личность.

Когда Роберта исчезла за океаном, поначалу Белинда чувствовала себя обездоленной, но потом постепенно стала обретать свободу. Она все еще помнила первый трепет от этого чувства: свободна! Впервые в жизни. В восемнадцать в собственной квартире одна. Разочарованная и раздраженная. А потом появился Джон. Сначала все было чудесно, но после нескольких месяцев сценарий повторился: хмурые взгляды, натянутое снисхождение, придирки, молчание. Через два года он ушел. И на этот раз не было никакого трепета: в ней не осталось сил для борьбы, только необходимость заползти в убежище любой ценой. А затем утрата остатков самообладания, тьма... все это было частью целого.

Роберта сказала, все это чушь собачья, что судьба каждого – в его руках и нет никакого другого выхода, нет оправданий. Ничего удивительного, что она так высоко ценит Марго Белл. Они очень похожи. Это им надо было родиться сестрами. Белинда подумала об этом сразу же, как только услышала властный мелодичный голос Марго, ощутила холодное, уверенное пожатие ее руки, увидела знакомое выражение едва завуалированного нетерпения и презрения в ее взгляде. В тот миг встречи слабая, едва ощутимая ниточка надежды, сопровождавшая ее во время сборов в Дипден, лопнула и умерла. У нее всегда так было и так будет, до тех пор пока ее жизнью управляют такие, как Роберта и Марго.

Белинда отрешенно посмотрела на свое отражение и отступила назад. Она опять опаздывает, нужно пойти вниз, прямо сейчас, или все-таки сначала выпить таблетку? Белинда нервно подергала бусы, нитка лопнула, и крохотные бусинки дождем посыпались на пол. Она стояла и с открытым ртом смотрела, как они вспыхивают искрами и раскатываются по углам. Когда взгляд ее снова поднялся к зеркалу, она с каким-то даже удивлением увидела, как горячие слезы унижения и ярости наконец-то покатались по напудренным щекам.

Эдвина с деловым видом вышла в коридор, заперла дверь и повернулась дернуть за ручку. Взгляд ее упал на табличку с названием апартаментов, прикрепленную к отполированному кедру.

– «Цирцея», вот как? – произнесла она с усмешкой. – Какая безвкусица!

С другой стороны...

Улыбнувшись каким-то своим мыслям, Эдвина повернулась в сторону лестницы и с некоторым замешательством заметила, что на площадке кто-то стоит и явно наблюдает за ней. А,

это та высокая молчаливая дама, Хелен. Зачем она здесь? Не очень приятно сознавать, что тебя застали с глупой улыбкой на лице. Черт бы побрал эти ковры! Вообще не слышно шагов.

Она быстро прошла по галерее, повернула направо и, оказавшись рядом с Хелен, весело кивнула.

– Забавно! Надо же так назвать комнату, – решила Эдвина объяснить: уж лучше так, чем дать этой даме повод думать, будто у нее не все в порядке с головой.

Хелен кивнула, вцепившись крупными руками в перила балюстрады.

– «Цирцея»! – продолжила между тем Эдвина, разглядывая довольно помятую, горчичного цвета юбку собеседницы и едва справляясь с желанием поправить собственную серую, безукоризненно отглаженную. – Но учитывая, что я считаю большинство мужчин настоящими свиньями, возможно, эта комната подходит мне больше других.

Она своей шуткой попыталась вызвать у Хелен улыбку, но ее бледное лицо оставалось таким же безучастным.

«О боже, – подумала Эдвина. – Да что с ней такое? Пожав плечами, она коротко кивнула и пошла вниз. К ее удивлению, Хелен догнала ее, и они вместе по покрытой ковром лестнице спустились в мраморный холл. До этого Хелен не произнесла ни слова, но тут остановилась и, посмотрев в сторону освещенной гостиной, где их ожидали остальные, отрывисто спросила:

– Вы верите, что эта журналистка явилась сюда на общих основаниях?

Эдвина нахмурилась.

– Для нее же лучше, чтобы было так.

На лице Хелен не отразилось никаких эмоций, когда она произнесла:

– Я бы ни за что не поехала сюда, если бы знала заранее, что здесь будет... кто-нибудь вроде нее.

– И я. Да и кто бы поехал?

Хелен, похоже, это всерьез озаботило.

– О... думаю, что некоторые были бы не против, – произнесла Хелен наконец. – Кое-кто даже мог бы обрадоваться: попасть на телевидение, в газеты. Ведь есть же такие, кто любит подобную шумиху, разве нет? Для кого-то это единственный шанс хоть как-то заявить о себе.

Эдвина пожалала плечами, почему-то еще острее ощутив неловкость. Услышав за спиной какой-то шорох, она быстро повернула голову и увидела Уильяма, молодого секретаря Марго. Он неподвижно стоял в дверях кабинета на противоположной стороне холла и смотрел на них. Его глаза оставались в тени, но рука, прижатая к губам, была хорошо видна. Другой рукой он крепко сжимал дверную ручку, словно был не в силах пошевелиться. Уильям не проявлял ни малейших признаков, что заметил их, – просто стоял там и молча смотрел, устремив взгляд в пространство.

Эдвина медленно повернулась к изможденной спутнице, но Хелен, похоже, ничего не заметила, устремив взгляд на полуоткрытую дверь гостиной.

– Моя комната называется «Ева», – произнесла она без всякого выражения, и по ее лицу промелькнула тень усмешки. – В этом тоже есть своя ирония.

Эдвина взглянула на нее и не нашла, что сказать. На языке вертелся единственный вопрос, но вместо этого она откашлялась и предложила:

– Что ж, давайте войдем? – И с облегчением первая шагнула в гостиную.

Их встретила вполне мирная картина. Алистер Свонсон сидел на корточках перед камином в дальнем конце комнаты и ворошил горящие поленья кочергой. На диване справа от двери Джози, все в том же зеленом брючном костюме, красная и явно вспотевшая, пила чай рядом с невысокой худенькой женщиной в очках, с необузданной копной каштановых волос, странно выглядевших в сочетании с элегантной шелковой блузкой и брюками свободного покроя. Марго расположилась напротив в кресле, обитом пепельно-розовой тканью. На низком

столике перед ней стоял серебряный чайно-кофейный сервиз. Она тепло улыбнулась вошедшим и поманила их к себе.

– Входите, милые, и располагайтесь как вам удобно. С Джози вы уже знакомы, а теперь познакомьтесь с Верити. Ее застала гроза, но, слава богу, все закончилось благополучно: она в безопасности. – Марго засмеялась. – В это время суток мы обычно обходимся без персонала: только гости и я, – так что не стесняйтесь. Хотите чаю? Кофе? Или, может быть, выпить?

– Я бы не отказалась от виски с водой, если можно, – проговорила Эдвина и решительно отошла от Хелен к креслу, стоявшему чуть в стороне от остальных.

– Конечно. Алистер?

– Уже иду. – Он поднялся и подошел к боковому столику, на котором в ожидании стояли хрустальные графины и бокалы.

– Хелен? Кофе? Чай? – с улыбкой спросила Марго.

– Черный чай, пожалуйста. Я не пью кофе.

Хозяйка грациозно кивнула и склонилась над чайником. Эдвина с интересом наблюдала, как Хелен, крепко сжимая в руке чашку и блюдце тонкого фарфора и старательно не глядя на сидевших на диване женщин, неловко потопталась перед ней и отошла к креслу в углу.

Уютно потрескивал огонь, на нежно-розовых стенах плясали тени: идеальные декорации для Марго Белл, такой красивой в белом. Когда она наливала кипяток в чайник, прядь блестящих волос падала вперед – хорошо продуманный жест. Только вот атмосфера в комнате не казалась умиротворяющей. В голосе Марго слышалось с трудом сдерживаемое раздражение, в позе ощущалось напряжение, отражавшееся на каждом присутствующем, за исключением, быть может, этой маленькой Верити, которая выглядела совершенно невозмутимой и вполне безобидной. Впрочем, внешность порой обманчива, так что она вполне может представлять собой опасность, подумала Эдвина. Марго Белл определенно не та, кому можно доверять, и все ее смутные заверения на предмет появления здесь Верити весьма сомнительны.

Алистер принес Эдвине выпивку и снова вернулся к камину. Выглядел он бледным и измученным, и хоть улыбался, протягивая ей бокал, улыбка эта показалась ей наигранной, а пальцы, когда он коснулся ее, дрожали. Да что, черт возьми, здесь происходит?

– А дождь все льет, – заметила Джози, склонив голову набок и в очередной раз чихнув. – Похоже, зарядил надолго.

Она открыла сумочку, и в комнате сразу резко запахло эвкалиптом.

Пока Джози вытирала своим большим белым платком уже изрядно покрасневший нос, Марго, глядя в сторону, беспечно отозвалась:

– Ну разве это не утомительно?

Она постучала ногтями по чайнику и взглянула на часы. Словно по сигналу, за дверью послышался шорох, и в комнату проскользнула Белинда. С нервной улыбкой на лице она бормотала извинения, теребила ворот платья и смотрела на кого угодно, только не на Марго. В полном отчаянии осмотревшись в поисках свободного кресла, Белинда метнулась к дивану и втиснулась между Джози и Берди как раз в тот момент, когда Марго завела свою обычную скороговорку голосом, резким от раздражения:

– ...не стесняйтесь, милая. Чаю? Кофе или?..

Ее спич прервала открывшаяся дверь. На этот раз в комнату скользнул Уильям, напряженный, с остекленевшими глазами. Вероятно, Марго не ожидала его увидеть, потому что губы ее поджались, а между бровями залегла небольшая морщинка, когда она вновь повернулась к чайнику и отрывисто повторила:

– Белинда? Могу я предложить вам чашку чаю? День для всех нас выдался довольно утомительным, так что если вы...

– О... нет... или... ну, если все пьют... – Белинда посмотрела на нее испуганными глазами.

Эдвина заметила, как Джози, склонив голову набок, с легким насмешливым презрением вытянула нижнюю губу, а вот Верити, напротив, выглядела очень заинтересованной.

– Я порвала бусы, – пролепетала Белинда, снова собрав в кулачок ворот платья и затравленно оглядевшись. – Простите, если задержала, я...

Марго протянула ей наполненную до краев чашку и коротко спросила:

– Сахар?

– О да, пожалуйста... три кусочка. Нет, два!

Марго вскинула брови, добавила два куса сахара в уже полную чашку и, усмехнувшись, принялась ждать с вытянутой рукой. «Вот сука!» – подумала Эдвина.

С побагровевшим лицом Белинда неуклюже встала со своего места, суетливо взяла чашку и пошла назад, к дивану. Руки ее при этом безудержно тряслись, и с каждым шагом чай выплескивался на блюдце. Она, похоже, пребывала в полном отчаянии. «Сейчас прольет все», – подумала Эдвина и поняла, что непроизвольно подалась вперед, страшась этого момента.

Со своего места у двери Уильям сделал неуверенный шаг вперед, озабоченно наморщив лоб, но Алистер его опередил. Метнув холодный взгляд в сторону Марго, он забрал у Белинды чашку и проводил несчастную к ее месту.

– Ничего страшного, – произнес Алистер легко, улыбнувшись ей и кивнув на чашку, которая едва не плавала в бледно-коричневой луже. – Просто она была переполнена, правда? Хотите, я принесу вам другую?

– Нет, я... я больше не хочу чая. Спасибо, – прошептала Белинда.

Алистер ободряюще улыбнулся ей и отнес чашку к столику прямо перед Марго, где и оставил.

Марго аж побелела от бешенства. Берди сидела как вкопанная и чувствовала, как рядом дрожит Белинда. Ничего удивительного: она очень уязвима, беззащитна и явно выведена из душевного равновесия. В общем, тот самый тип, который пробуждает все самое худшее в натурах вроде Марго Белл. Интересно, однако, что эта ее уязвимость вызвала к жизни инстинкт защитника в обоих мужчинах, несмотря на то что Алистер определенно не интересуется женщинами в общепринятом смысле, а Уильям вопреки своей красоте и сам по какой-то причине представляет собой комок нервов.

А Марго это очень не понравилось, сразу видно: вероятно, потому, что она сама привыкла всегда быть в центре мужского внимания. И, надо полагать, ей не нравится, когда ей отводят роль монстра, хотя ведет она себя соответствующе.

Глава 5

Марго, словно прочитав мысли Верити, коротко вздохнула, вздернула подбородок и, сочувственно улыбнувшись, обратилась ко всем:

– Сегодня был очень непростой день.

По ее глазам было видно, что таким образом она решила оправдать свой поступок.

– А как вы себя чувствуете, милая Верити? Завтра утром мы подберем вам одежду.

Поскольку Марго уже поговорила с ней обо всем этом у нее в комнате, Берди подумала, что это всего лишь попытка сменить тон общей беседы. Если так, то на сей раз она охотно ее поддержит.

– Мне гораздо лучше, спасибо, – улыбнулась любезно Верити. – Я отделалась несколькими синяками и, вероятно, завтра еще буду чувствовать себя не вполне в норме, но мне удалось высохнуть и согреться, и это чудесно. К тому же муж миссис Хиндер нашел мой сак-вояж, так что я смогла воспользоваться запасными очками. Одежда и вещи особого значения не имеют, а вот без очков мне было бы совсем плохо: я почти ничего не вижу.

– Должно быть, вы очень испугались, – произнесла Эдвина, явно желая поддержать беседу. – Вы хорошо плаваете, Верити?

– Ой нет, хотя тут особенного умения и не требовалось, – ответила Берди, снова ощутив, как свело желудок при воспоминании о бурлящей воде, смыкавшейся над головой, и водорослях, опутавших руки и ноги. – Речка не такая уж и глубокая, просто течение очень сильное, да еще сучья, обломки досок и всякий мусор. Тут нужно было поскорее выбраться наружу, пока не унесло потоком.

Берди невольно передернулась, и остальные женщины вдруг оживились и посмотрели на нее так, словно только сейчас поняли, что все могло кончиться трагедией, а не легкими неприятностями.

– Вы же могли утонуть! – выдохнула Белинда. – Какой ужас!

В гостиной поднялся гул: что-то сочувственно забормотали. И Берди от их сосредоточенного внимания засмушалась, а чтобы как-то скрыть неловкость, воскликнула с беззаботностью, какой вовсе не ощущала:

– Ой да ладно! Должно быть, мой ангел-хранитель работал сверхурочно!

– Если они вообще существуют, – мрачно пробубнил со своего места у двери Уильям. – Судьба просто была на вашей стороне: вам повезло, – но так происходит не со всеми. Некоторых же выдергивают из жизни прямо в самом ее расцвете. И не важно, хорошими они были или плохими, грустными или веселыми. Во всем этом просто нет смысла. Никакого смысла...

– Уильям, ты беспросветный пессимист! – игриво возразила Марго, шевельнув в воздухе пальцами.

Он не принял ее тон и мрачно продолжил:

– Это правда и я знаю, о чем говорю, потому что уже видел это. Моя мать погибла в автокатастрофе, когда мне было десять. Она была замечательной: доброй, нежной, любящей.

Берди заметила, что его темные глаза наполнились слезами, и услышала, как рядом сочувственно охнула Белинда. Она и сама ощущала себя ужасно неловко, хотя было очевидно, что секретарь выпил по меньшей мере на одну рюмку больше, чем следовало, а может, и не на одну.

Алистер попытался как-то сгладить неловкость, но Уильям его опередил:

– Видите ли, у меня было предчувствие: вот-вот должно произойти что-то ужасное. Я умолял ее не уходить из дома в тот вечер. «Останься дома, со мной, мамочка» – вот что я говорил, и помню это так отчетливо! Но она просто засмеялась. Понимаете? Засмеялась! И ушла – и умерла. А я остался один.

Он опустил голову и прижал костяшки пальцев к глазам. Эффект получился исключительно мелодраматический, почти абсурдный, подумала Берди. Было во всем этом что-то наигранное, несмотря на трагизм ситуации и очевидную искренность Уильяма. Чего он, собственно, пытается этим добиться? Явно не трезв, язык заплетается, но...

Уильям снова поднял голову и очень медленно и отчетливо произнес:

– Моя мать погибла в результате несчастного случая. Но отнять жизнь может и нечто другое. Я... я и такое видел. И много об этом думал. Это не может быть чей-то умысел, Бог или судьба. И в этом нет никакого смысла.

Уильям замолчал и окинул комнату хмурым взглядом. Его чуть капризное, с изящными скулами лицо исказилось каким-то горячечным напряженным ожиданием.

– О боже, милый, не заставляй нас погружаться в глубокую депрессию! – защebetала Марго, вперив в него твердый жесткий взгляд.

– Нет! – упрямо возразил Уильям. – Я это знаю: столкнулся с таким в собственной жизни. Кое-кто – безумный злодей – убил того, кого я сильно любил. Как раз в это время года, десять лет назад...

Голос его дрогнул, и на миг Берди показалось, что он разрыдается. Рядом затряслась в безмолвных рыданиях Белинда. Эдви́на, сидевшая в другом конце комнаты, обеспокоенно нахмурилась. Даже молчаливая Хелен смотрела на него как завороженная.

– Уильям! – повысила голос Марго, но ей не удалось пробить его броню: слишком глубоко он погрузился в себя.

Он стоял у двери: изящный, мрачный, засунув руки в карманы, слегка ссутулив плечи, – и сердито смотрел в комнату, словно ожидая, что собравшиеся начнут с ним спорить или бросят ему вызов.

– Уильям, – повторила Марго, на этот раз чуть настойчивее и мягче. – Милый, все это, конечно, ужасно. Ужасная история! Но нет никакого смысла говорить об этом снова и снова, правда? Ты только опять чувствуешь себя несчастным. Давай лучше, голубчик, Алистер нальет тебе выпить. Это случилось очень давно! Все давно прошло, а жизнь продолжается.

– Да нет, не прошло, знаешь ли. – Уильям упрямо смотрел мимо нее, и взгляд его пылал. – Все прошло для Лоис и остальных несчастных женщин, но не для меня и не для родных и близких, и не пройдет, пока мы живы.

Плечи его поникли, и наконец он повернулся к ней.

– Милый, я знаю. – На мгновение лицо Марго смягчилось, на нем появилось выражение искренней нежности.

Уильям сразу же отреагировал – нервно тряхнув головой, откинул шелковистые волосы со лба и уставился на ковер под ногами, не в силах поднять на нее глаза.

Алистер подошел к нему, взял за локоть и, что-то бормоча, повел к бару.

Марго повернулась к дамам и медленно проговорила, понизив голос и тщательно подбирая слова:

– Это ужасная тема для разговора. Но вы бы все равно узнали... Десять лет назад Уильям пережил настоящую трагедию. Была убита его близкая подруга. Об этом можно прочитать. Ее жестоко убили, как и еще нескольких женщин в Вулларе и Дабл-Бей. Ужасная серия смертей, которые...

– Это вы не про Серую Леди? – Берди подалась вперед, вцепилась руками в волосы и слегка подергала, пытаясь сосредоточиться. – Господи! Лоис. Лоис... Фриман. Лоис Фриман! Пятая жертва. Она была подругой Уильяма?

Уильям, стоявший у бара, резко повернулся, едва услышал это имя, и отбросил руку Алистера, пытавшегося его удержать.

– Она была моей невестой! Мы собирались пожениться! Слышите? – едва не прошипел он. – Хорошо хоть имя помните! Другие давно забыли, как ее звали.

– Я тоже помню, – медленно проговорила Джози. – Причем очень хорошо. Все газеты об этом буквально вопили. Шесть женщин, так? Задушены, а потом...

– Я нашел ее. Лоис, – прошептал Уильям и покачнулся, прижав руку ко лбу. – Она лежала в траве. Ее прелестное нежное лицо было искажено, одежда порвана. Пуговицы от кардигана рассыпались по траве и были похожи на красные бутоны. И шея тоже красная... красная...

– Пожалуйста, – прозвучал еле слышно голос Белинды, – прошу вас... Это ужасно! Давайте не будем больше об этом говорить...

– Согласна, – отрывисто бросила Марго. – Давайте оставим эту тему, хорошо?

– Это была женщина, да? В конце концов ее поймали и на всю оставшуюся жизнь засадили в психушку, – безжалостно продолжила Джози, будто не слышала просьбу, и взглянула на Уильяма. – Это должно было принести вам хоть какое-то удовлетворение, хотя лично я всей этой психологической ерунды не понимаю. Ей же хватало мозгов, чтобы замечать следы, так? Она убила шесть женщин, прежде чем ее поймали. Душила чулком, а потом втыкала в шею ножницы. Чокнутая или нет, но ее должны были повесить.

– Пожалуйста, прекратите! – закричала, зажав уши, Белинда.

– Не могу с вами согласиться, Джози, – спокойно заговорила со своего кресла Эдвина. – Я тоже очень хорошо помню то дело. Женщина, ее звали Лорел Мун, совершенно очевидно, не могла отвечать за свои поступки, когда убивала. Кончилось все тем, что Лорел Мун убила собственную тетку, а потом попыталась совершить самоубийство. Так ее и поймали. У нее были провалы в памяти, она слышала голоса. Целый полк психиатров пришел к выводу, что ей нужна помощь, а не наказание.

Джози прищурилась и агрессивно начала:

– Куча моих знакомых скажут...

– А куча моих знакомых докажут, что для преступника жизнь в психушке – достаточное наказание за любое, даже самое ужасное, преступление, – прошел сквозь напыщенность Джози, как нож сквозь масло, невыразительный голос Хелен.

Джози запнулась, а Берди в который раз уже подумала, какая огромная сила скрывается за потрепанным фасадом Хелен. Ее сдержанность пугала.

– Больше я ни о ком ничего не знаю, – с глубоким вздохом произнесла Марго, тонкими дрожащими пальцами переставляя на чайном подносе предметы. – Но я очень устала. Мне пора: я стараюсь ложиться до полуночи. Так что...

– Знаешь, а ведь ее выпустили.

Уильям, оторвавшись от стены, навис над Марго, сжимая в руке бокал, посмотрел в ее полные ужаса глаза и жадно выпил.

– Что? – Наконец железобетонное хладнокровие Марго дало сбой. Она уставилась на Уильяма диким взглядом и замотала головой. – Что ты сказал?

– Лорел Мун, сумасшедшую, которая убила Лоис, выпустили. Теперь она свободна как птица и вроде бы здорова. Полгода назад. Я узнал сегодня вечером и попытался рассказать тебе, но ты не захотела слушать, правда, Марго? Ты больше меня не слушаешь, не то что раньше... Тогда ты прислушивалась ко мне, а теперь вообще не хочешь ничего слышать...

Уильям протянул к ней дрожащую руку, но Марго резко вскочила, задев коленями столик, так что задребезжал чайный сервиз, и метнулась к двери, торопливо пробормотав:

– Я должна лечь в постель! Всем спокойной ночи. Увидимся утром. Завтра вас ждет великий день, а к вечеру вы сами себя не узнаете. Алистер, ты присмотришь за... всем... хорошо, милый?

Взмахнув рукой, Марго исчезла, и только ее каблучки торопливо зацокали по мраморному полу в сторону лестницы.

Уильям беспомощно смотрел ей вслед, а как только она ушла, словно сдулся.

– Простите, что... что выплеснул это все наружу, – беспомощно обвел он взглядом присутствующих. – Простите. Просто это оказалось для меня таким шоком. Мне позвонила наша с Лоис старая подруга и рассказала. И все сразу вернулось, вы понимаете? Буквально сшибло меня с ног. Я, видимо... видимо, выпил лишнего. Простите. Я... после того как Лоис убили, довольно долго не мог прийти в себя. И так до конца и не сумел смириться с этим...

Без малейшего колебания маленькая Белинда вскочила с дивана, подошла к нему, положила ладонь на руку и пробормотала:

– Конечно, не смогли. Конечно. И мы понимаем, как вы расстроены. Знаете, вы должны об этом говорить. Если с кем-то поделиться тем, что тебя беспокоит, это очень помогает. Правда, Верити?

Верити, удивившись, что обратились именно к ней, кивнула.

– А теперь пойдемте отыщем кухню, и я заварю вам чашечку крепкого чая, – спокойно предложила Белинда. – После этого вы ляжете в постель и почувствуете себя намного лучше. Ладно?

Уильям, совершенно измученный, кивнул и пошел за ней как бычок на веревочке. Это была до смешного нелепая пара: он такой высокий, худой, по-байроновски красивый и рядом с ним Белинда, коротышка в платье в цветочек. Но если взглянуть с другой стороны, подумала Верити, это единственная естественная пара во всей компании: оба одинокие, несчастные и такие отзывчивые к чужому горю.

– Что ж, – едко заметила Джози, когда дверь за ними закрылась, – похоже, наша малышка Белинда решила времени даром не терять, верно?

Остальные в недоумении молча посмотрели на нее, и, коснувшись языком гладких белых зубов, она пошла на попятный:

– Ну ладно-ладно, извините. Мне вообще не следовало открывать рот.

Эдвина встала с кресла и обратилась к Алистеру:

– Думаю, я тоже пойду спать.

Тот кивнул и рассеянно улыбнулся.

Верити решила, что и ей пора: очевидно, на сегодня драма закончена, да и усталость навалилась внезапно. Мысль о большой мягкой кровати наверху казалась теперь еще соблазнительнее. Пожелав всем спокойной ночи, вместе с Эдвиной она вышла из комнаты. Холл они пересекли тоже вместе, и Верити, чтобы нарушить неловкое молчание, когда они начали подниматься по лестнице, сказала:

– Ну что же, до завтра и хорошего начала.

Эдвина довольно скованно улыбнулась и промолчала, а наверху лестницы остановилась и показала налево:

– Мне туда.

– Ну а мне в противоположную сторону, – отозвалась Берди. – «Джувелетта», насколько я помню. Ну, увидимся утром.

Эдвина мгновение поколебалась, но все же решилась и осторожно произнесла:

– Я слышала, вы журналистка, и меня это привело в замешательство. Неприкосновенность личной жизни для меня не пустые слова. Надеюсь, это понятно?

И без тени улыбки она окинула Берди холодным взглядом с головы до ног.

– Конечно, Эдвина. – Берди попыталась придать себе непринужденный вид и посмотреть ей в глаза, не запрокидывая голову, но, похоже, из-за невысокого роста оказалась в очень невыгодном положении. – Я здесь с той же целью, что и все остальные, а кроме того, у меня нет привычки сплетничать.

Значит, вот почему эта дама ведет себя с ней так высокомерно. Что же, придется обнадежить: вреда не будет. И, если уж на то пошло, нет причины упоминать ее в исследовании. Вот почему Берди, в конце концов, согласилась на требование Марго Белл никому не расска-

зывать об истинной цели своего приезда сюда. Проблема в том, что теперь ей придется пройти через весь этот кошмар создания нового имиджа, чтобы подтвердить свои добрые намерения. Она понимала, что для статьи это неплохо, но ужасно боялась услышать мнение о собственной внешности. Это просто ввергало ее в панику. Уже сейчас, в этой элегантной чужой одежде, Берди чувствовала себя ужасно неуютно, как будто это и не она вовсе.

– Вообще-то мне почему-то страшно, – вдруг ни с того ни с сего призналась Берди, не успев сообразить, зачем откровенничает с совершенно незнакомой женщиной.

Эдвина серьезно посмотрела на нее, и вдруг лицо ее расплылось в искренней, очаровательной улыбке.

– Вот и мне! О боже, так страшно!

Обе засмеялись, и Берди почувствовала, что настроение улучшается: по крайней мере будет с кем поговорить.

Послышались шаги и голоса: Алистер, Хелен и Джози шли через холл к лестнице. Затем из задней части дома появились Белинда и Уильям и присоединились к остальным. Берди и Эдвина, не сговариваясь, молча кивнули друг другу – «спокойной ночи» – и разошлись каждая в свою сторону. Сегодня вечером ни одной ни другой больше не хотелось участвовать ни в каких драмах.

Наконец Берди оказалась в надежном убежище «Джувелетты». В коридоре слышались негромкие голоса: обитатели отеля желали друг другу доброй ночи, – хлопали двери, а затем все окутала теплая тишина, которую нарушал лишь ровный шум дождя за окном. И тут Берди вдруг почувствовала такое беспокойство, что не могла заставить себя снять чужую одежду и надеть шелковую пижаму кремового цвета, разложенную на кровати. Даже сама кровать перестала выглядеть манящей. Всепоглощающая усталость куда-то подевалась. Читать было нечего, кроме глянцевого журнала мод, предоставленного заведением, вероятно, для того, чтобы вдохновлять гостей. Писать тоже не на чем: что на толстых гладких светло-розовых листах, что лежали у кровати? Зато подумать было о чем, да и времени всего половина одиннадцатого – с ее точки зрения, раннего для сна.

Можно, конечно, посмотреть какое-нибудь старое кино. Берди некоторое время обдумывала эту мысль, глядя на телевизор, что стоял напротив кровати, затем отбросила и ее. Зачем смотреть телевизор, если ей и так есть чем заняться? В конце концов, ее отправили сюда подготовить материал, а значит, необходимо здесь осмотреться. Кто сказал, что это нужно делать днем?

Берди подошла к окну и отодвинула штору. Ее комната находилась в передней части дома, в левой части фасада, а значит, вероятно, прямо над кабинетом Марго. С минуту без толку подергав окно, Берди сообразила, что они закрыты наглухо: надо полагать ради эффективной работы кондиционера. Но невозможность высунуться в окно и подышать свежим воздухом тут же вызвала легкий приступ клаустрофобии.

Снаружи стояла темная, беззвездная ночь. Дождь чуть ослабел, но все равно продолжал тихо и ровно падать по другую сторону стекла, как тонкая вуаль. Силуэты деревьев, видимые на фоне побледневшего неба, были неподвижны, значит, ветер улегся. А слабый шелестящий звук издает, должно быть, река, бурлящая, грязная, даже сейчас наверняка выходит из берегов, чтобы впитаться в мокрую землю. Берди вздрогнула и решила – с нее довольно. Она спустится и осмотрится. Ей необходимо выбраться отсюда.

Глава 6

Берди бесшумно закрыла за собой дверь и окинула взглядом галерею: никого не видно, все двери плотно закрыты; потом перегнулась через балюстраду и внимательно осмотрела холл. Тоже никого. Но где-то там, внизу, горит свет, и ей показалось, что она слышит негромкие голоса. Возможно, из кабинета! Стараясь ступать как можно тише, Берди направилась по галерее в сторону лестницы.

Апартаменты по соседству с ее комнатой, прямо над холлом, носили название «Клеопатра». Заметив крохотные голубые бусинки, рассыпавшиеся по ковру перед дверью, Берди усмехнулась: «Элементарно, мой дорогой Ватсон: это комната бедняжки Белинды». Из помещения не раздавалось ни звука. Возможно, Белинда угостилась таблеткой снотворного, а может, добрый поступок по отношению к Уильяму помог успокоить нервы.

Дальше, в следующем углу, находилась «Цирцея», убежище Эдвины. Из-за тяжелой двери едва доносилась музыка, похоже Эдвина, в отличие от нее, все-таки решила посмотреть кино.

Рядом с комнатой Эдвины, за дальним поворотом галереи, располагалась «Мария Антуанетта», куда поселили Джози. Оттуда слышался шум воды: должно быть, она принимает ванну, наверняка с маслом эвкалипта. Как Джози сказала раньше, при простуде нет ничего лучше эвкалиптового масла. Им были обрызганы все ее носовые платки. Возможно, это ей и помогло, подумала Берди, только пахнет она теперь как коала.

Значит, номер, расположенный напротив комнаты Джози по другую сторону галереи, тот, что называется «Ева», принадлежит странной Хелен. Стало быть, соседки Берди – Хелен и Белинда.

Напротив лестницы размещалась небольшая зона для отдыха с громадным окном в стальной раме, которое выходило на задний двор, и в углу – дверь с почти незаметной табличкой: «Только для персонала». Берди на цыпочках подошла к ней и бесшумно отворила. За дверью находилась лестница, ведущая на верхний этаж, где располагались апартаменты Марго и Алистера, и вниз – вероятно, к жилым помещениям остального персонала и процедурным кабинетам, размещенным в дальней части здания. Берди с любопытством посмотрела вверх, но лестница изгибалась и за поворотом ничего не было видно, кроме мягкого света, льющегося сверху. Пришлось закрыть дверь: жаль, но вряд ли она сумеет объяснить, что делает тут, если кто-то ее увидит.

Уже повернувшись с намерением уйти, Берди заметила на угловом столике в зоне отдыха бледно-розовый конверт. Подойдя ближе, она рассмотрела его. Конверт явно из канцелярских принадлежностей Дипдена, такой же, как бумага в ее комнате. На нем от руки небрежно заглавными буквами было написано: «ДИПДЕН. СРОЧНО», и больше ничего.

Берди взяла конверт. Он был запечатан, но, похоже, в нем лежал единственный лист бумаги. Что за чертовщина? Кому он принадлежит? Похоже на подсказку в детской игре в шпионов. Она пожала плечами и сунула письмо в карман, рассчитывая завтра кого-нибудь расспросить.

Спускаясь по лестнице и подавляя желание идти на цыпочках (Берди все время напоминала себе, что имеет полное право делать что хочет), она услышала раскат грома.

Люстру над галереей выключили. Основной свет в холле тоже не горел, и в углах затаились тени, но две лампы отбрасывали лужицы мягкого золотистого света по обе стороны лестницы.

В кабинете Марго было темно, и Берди больше не слышала приглушенных голосов, которые доносились до нее раньше. Кто бы это ни был, все скорее всего устали и отправились спать.

Рядом с кабинетом, по направлению к задней части дома, находилась еще одна дверь, которую Берди сначала не заметила. Может, это те самые «библиотека и музыкальная комната», как указано в брошюре? Что ж, есть только один способ выяснить. Берди повернула ручку, вошла в темное помещение, включила свет и подскочила от неожиданности. Комната оказалась обитаемой. Алистер и Уильям сидели по обе стороны от камина, уже почти погасшего. Оба от удивления пооткрывали рты и уставились на нее как на привидение.

Берди ахнула, застигнутая врасплох, и пискнула:

– О... простите. Не думала, что тут кто-то есть. Я... не спалось... Хотела взять что-нибудь почитать. Все мои книги утонули... в реке.

«Только послушай себя! Оправдываешься, как школьница, – презрительно подумала Берди. – Разве тебе нужно искать причину для того, чтобы осмотреть дом?»

Алистер поднялся и обвел рукой комнату.

– Не беспокойтесь, Верити. Вы хотели книгу? Вы пришли куда надо.

Берди огляделась, и увиденное произвело на нее впечатление. Все стены от пола до потолка занимали стеллажи с книгами.

– Их продавали вместе с домом, – объяснил Алистер. – Точнее, большую их часть. До нас тут была гостиница, и за долгие годы владельцы скупили немало книжных собраний в имениях по соседству. Тут много мусора, но есть и то, что может заинтересовать: полное собрание сочинений Диккенса; несколько дюжин романов Агаты Кристи; Барбара Картленд, Реймонд Чандлер, Лоренс, вся серия «Бигглз»²... Из переводных: «Война и мир» Толстого; «Лолита» Набокова. Есть и поэзия, например Сильвия Плат. Ну а кому нравится погорячее – «Случай портного»³. Наряду с этим имеется руководство по плетению корзин и три разные версии Библии. О, мы можем угодить любым вкусам.

– Отлично! – искренне воскликнула Берди и, уже направляясь к полкам, заколебалась. – Я вам не мешаю?

– О нет! – с готовностью ответил Алистер.

У Берди сложилось впечатление, что тет-а-тет с Уильямом его слишком утомил.

Сам Уильям неподвижно сидел в кресле, не делая ни малейшей попытки принять участие в разговоре или хоть как-то скрыть свои душевные страдания. Видимо, терапевтическая чашка чая Белинды не помогла. Судя по двум бокалам, стоявшим на столике между креслами, Алистер прибег к бренди, но, по мнению Берди, спиртного, чая и сочувствия Уильяму для одного вечера было уже более чем достаточно.

Она вспомнила про найденный конверт и, вытащив его из кармана, протянула Алистеру:

– Я нашла это на полу наверху. Должно быть, кто-то уронил.

– Как странно. – Алистер покрутил конверт в бледных веснушчатых пальцах. – Похоже, почерк детский. Интересно, чье это?

– Так откройте, – посоветовала ему Берди. – Адресовано в Дипден. На вашей бумаге. И помечено как срочное.

Алистер еще несколько секунд с сомнением смотрел на конверт, затем, пожав плечами – почему бы и нет? – поддел край конверта пальцем, разорвал и вытащил свернутый лист розовой бумаги.

После того как пробежал его глазами, у него приоткрылся рот.

– Господи, что...

– Дайте взглянуть. – Берди протянула руку, и Алистер машинально отдал ей листок, лишь мгновением позже сообразив, что этого делать не стоило.

² Приключенческие романы (16 книг) Уильяма Эрла Джонса.

³ Эротический роман американского писателя Филипа Рота (р. 1933).

Поперек листка бежали две строчки беспорядочных заглавных букв, и Берди прочитала вслух:

– «Ты думаешь, что я тебя не знаю: думаешь, ты в безопасности, – но тебе нигде от меня не скрыться».

– Что?

Уильям с трудом поднялся на ноги, лицо его побелело. Он выхватил записку из руки Берди, прочел и резко повернулся к Алистеру. Взгляд его был безумен, лоб и верхняя губа блестели от пота.

– Я же тебе говорил! Говорил! Это она! Я знал! О боже!

Тело Уильяма сотрясала дрожь, из горла вырывался хриплый свист.

Берди оторвала от него взгляд и в полном недоумении посмотрела на Алистера:

– О чем это он?

Уильям охнул, истерически захохотал, а потом с трудом выдавил:

– Вот все так говорят: «О чем это Уильям?.. Глупец Уильям... Вы знаете, у него был нервный срыв... Он много пьет... расстроен. Не слушайте его!» Что ж, теперь вы сами видите. Теперь-то вы все узнаете. Она здесь. Лорел Мун здесь!

Алистер облизнул вмиг пересохшие губы и на мгновение прижал пальцы к глазам, а когда отнял их, лицо его было спокойно. Он взял Уильяма за руку и твердо произнес:

– Уилли, приятель, эта записка может означать все, что угодно. В ней ничего не говорится о Лорел Мун или как там ее. Ну же, подумай: это, наверное, просто шутка. Глупо так переживать!

Алистер скомкал записку и швырнул в камин. Уильям судорожно вздохнул, потом остекленевшим взглядом смотрел на записку до тех пор, пока она не превратилась в кучку пепла.

– Все. Ее больше нет, – сказал Алистер. – А теперь перестань об этом думать, Уильям. Иди в свою комнату, выпей снотворное, если хочешь, и как следует выпишись. И постарайся больше не говорить об этом с Марго, иначе она совсем слетит с катушек. Предоставь это мне, хорошо?

Уильям кивнул, и выглядел он при этом совершенно потерянным.

– Вот и славно, – заключил Алистер. – Ты ничего не скажешь Марго про это письмо. Ты вообще никому ничего не скажешь. Я не хочу, чтобы кто-то из гостей испугался и в отеле началась паника. Это понятно? – Дождавшись кивка от Уильяма, он тоже удовлетворенно кивнул. – Хорошо, ступай, а мне нужно поговорить с Верити. Или ты хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Уильям помотал головой.

– Со мной все будет в порядке.

Когда он вышел из комнаты, закрыв за собой дверь, Алистер с облегчением выдохнул и, рухнув в кресло, простонал:

– О господи!

Берди опустилась в кресло, которое освободил Уильям, и принялась терпеливо ждать. Через несколько минут ресницы Алистера затрепетали, глаза открылись, и он устремил на нее унылый взгляд.

– Да уж, ничего не скажешь: Дипден оказал вам неслыханное гостеприимство, Верити.

– Да, – расхохоталась Берди. – Чуть не утонула, потеряла всю одежду, нашла анонимку с угрозами...

– Здесь не всегда так, – серьезно проговорил Алистер, но вдруг тоже захохотал, правда, несколько истерически, но очень заразительно.

Берди, проникнувшись юмором ситуации, подалась вперед:

– Попытайтесь забыть на минуту про Эй-би-си. Я не собираюсь мчаться в Сидней с блокнотами, исписанными всей этой ерундой, не бойтесь: я здесь совсем не для этого. Но тем не

менее мне чертовски любопытно, что здесь происходит. Вы же можете это понять, правда? Почему Уильям утверждает, что Лорел Мун здесь? Он чокнутый?

– Нет, он хороший парень: очень искренний, пашет как вол, но всегда немного взбудораженный... нервный, даже слегка склонный к паранойе. Господи, но ведь это же и понятно! Как-то поздно вечером он возвращается с работы домой и обнаруживает труп невесты – ну, после того как та сумасшедшая ее прикончила, – задушенной, с порванной и раскиданной вокруг одеждой и с торчащими из шеи ножницами. Она пролежала там, в темноте, убитая уже несколько часов. Можете себе представить: мухи, муравьи... птицы... ффффу! – Алистер содрогнулся и снова потерял глаза; выглядел он совершенно вымотанным, на его приятном, с легкой щетиной лице залегли тени. – Дело в том, что он и так... гм... в последнее время переживал не лучшие времена, а сегодня, то есть вечером, как раз перед вечерними коктейлями, позвонила эта женщина, Джойс, подруга его невесты, с которой он все эти годы поддерживал связь. По словам Уильяма, она сказала, что только что случайно встретила старую знакомую, школьную приятельницу, которая работает в департаменте уголовно-исполнительных дел, и та сообщила, что Лорел Мун выпустили полгода назад.

– Прошло десять лет, – задумчиво произнесла Берди. – Полагаю, за это время...

– О да. Несчастливая женщина явно была не в себе, и если сейчас ей лучше или она принимает лекарства, которые поддерживают ее в стабильном состоянии, это замечательно. Но, конечно, этой Джойс все очень не понравилось, как и Уильяму.

– Думаю, вы правы, но все равно не понимаю...

– Подождите, я еще не добрался до самого странного. Джойс позвонила Уильяму не только по этому поводу: она явно пребывала в панике. Насколько я понял, ее приятельница, зная, что у семьи Лорел Мун есть деньги, и желая помочь ей поскорее вернуться к некоему подобию нормальной жизни, решила... догадайтесь что?

– Отправить ее в Дипден. – Берди этого и ждала. Ничего удивительного, что Уильям совсем потерял голову. – Но... – Тут она нахмурилась, глядя на Алистера. – Но вы бы знали. Я имею в виду...

Алистер покачал головой и твердо ответил:

– Мы бы не знали. Самое важное здесь – конфиденциальность. Гости платят вперед, зачастую чеком. И могут назваться любым именем, правильно? Это не наше дело, и Уильяму это известно. К заявлению они прикладывают фотографию, но он никогда не видел Лорел Мун, даже на снимке, поэтому понятия не имеет, как та выглядит. И безусловно, я тоже.

– Значит, вы вполне могли записать ее на участие в программе, не имея об этом понятия, – медленно проговорила Берди. – Думаю, что и я никогда не видела ее фотографий. Ее же скрывали, верно? И она сейчас может находиться здесь. Быть одной из нас. Вот что думает Уильям, так? Из-за этой записки. Он думает, ее написала Лорел Мун. Но с какой стати?

Она обращалась скорее к самой себе, но Алистер энергично кивнул.

– В этом-то все и дело. Это бред. Зачем бы она стала привлекать к себе внимание? И, как я говорил Уильяму, перед тем как вы вошли, если бедняжка и приехала сюда, то за помощью. Она излечилась, как сказали специалисты. Может, Уильяму это и не нравится, но придется проявить профессионализм и просто выполнять свою работу. Тех ужасов больше не будет. Знаете, он специально поднял эту тему, чтобы она растерялась и выдала себя, а добился лишь одного – разволновался сам и расстроил остальных!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.